

Человек, соблазнивший Джоконду



роман

Диониджи Кристиана Лентини

Dionigi Cristian Lentini

Человек, Соблазнивший Джоконду

«Tektime S.r.l.s.»

Lentini D.

Человек, Соблазнивший Джоконду / D. Lentini — «Tektime S.r.l.s.»,

Книга переносит читателя в Италию эпохи Возрождения и повествует о похождениях Тристана, молодого дипломата Папского государства с загадочным туманным прошлым, который блестяще выполняет любую свою миссию, умело лавируя среди искусных ухищрений, обманов, авантюр и заговоров и ловко пуская в ход искусство обольщения. Но однажды судьба ставит перед ним самую сложную задачу. Именно тогда в жизни Тристана происходит настоящий переворот... и именно тогда он соблазняет ту, чей таинственный взгляд, запечатлённый с непостижимым мастерством великим Леонардо, позднее заморозит весь мир. Временный сотрудник пизанского отделения Национального научно-исследовательского совета, специалист в области криптографии и технологий блокчейн, случайно обнаруживает в архиве одного тосканского аббатства странный зашифрованный файл, содержащий в себе совершенно невероятную, никем до сих пор не озвученную историю, читая которую он не в силах оторваться: В ту студёную ночь, когда История проводила генеральную репетицию захватывающего спектакля под названием «Возрождение», пока правители итальянских княжеств истребляли друг друга ради мимолётного контроля над территорией своих то и дело перекраивавшихся государств, некий молодой дипломат, поверенный самого папы римского, открыто пренебрегавший вопросами военного искусства, предпочитал пробовать свои силы в искусстве обольщения. Кем он был на самом деле? Не был он ни князем, ни полководцем, ни прелатом, не имел никакого военного чина... и всё же говорить с ним было всё равно что общаться напрямую с Его Святейшеством. Непринуждённо маневрируя на полной противоречий политической сцене того времени, он никогда не оставлял следов; будучи ревностным летописцем своей эпохи, никогда не упоминался на страницах Истории. Вездесущий, он был неуловим, как будто бы его и не было. Путешествуя по княжествам, королевствам и республикам, лавируя среди искусных ухищрений, обманов, авантюр и заговоров, Тристан блестяще выполнял каждую свою миссию, пока судьба не поставила перед

ним самую сложную задачу: выяснить, кто же он есть на самом деле. Для этого он должен расшифровать письмо своей истинной матери, которое в течение 42-ух лет хранилось в секрете самыми влиятельными людьми того времени. Чтобы это сделать, ему придётся пройти сквозь огонь и воду в невероятный временной промежуток, насыщенный необыкновенным количеством выдающихся людей (государственных деятелей, полководцев, живописцев, литераторов, инженеров, учёных, мореплавателей, придворных и т.д.), обусловивших радикальный и необратимый поворот в ходе Истории. Именно с этой целью наш герой соблазняет ту, чей таинственный взгляд, запечатлённый с непостижимым мастерством великим Леонардо, позднее заморозит весь мир.

© Lentini D.
© Tektime S.r.l.s.

Содержание

Пролог	7
I	10
II	12
III	19
IV	23
V	28
VI	32
VII	35
VIII	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Dionigi Cristian Lentini

Человек, соблазливший Джоконду

ПО СЛУЧАЮ 500-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ

СО ДНЯ СМЕРТИ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

Человек,

соблазливший

Джоконду

роман

Диониджи Кристиана Лентини

Эта история представляет собой исключительно плод авторского воображения.

Вся информация, упоминания и ссылки на исторические события, содержащиеся в произведении, использованы с целью придания повествованию большей правдоподобности.

Любое указание или аналогия по отношению к действительно произошедшим фактам и событиям, а также любое сходство с реальными людьми или местами носят совершенно случайный характер.

Перевод Наталии Денисовой – август 2021 г.

Издатель **Tektime**

I ИЗДАНИЕ – Июль 2019 года II ИЗДАНИЕ – Ноябрь 2019 года

I ИЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ – Июль 2019 года II ИЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ – Ноябрь 2019 года

[По случаю 500-летней годовщины со дня смерти Леонардо да Винчи]

Данное произведение защищено Законом об авторском праве.

Без предварительного согласия автора любое воспроизведение материала, даже частичное, запрещено.

*Посвящаю моему дяде,
дону Джованни Лентини*

Пролог

“Привет, мой ненасытный зверь ;-) Прошлой ночью ты был супер. Выкинь из головы всякие глупости: нельзя же вечно быть Джоном Холмсом... ;-) Как только приеду в офис, вышлю тебе кое-какой материал о том самом монахе-сердцеде, что я тебе говорила. Удачного тебе дня!”

Такое личное сообщение отправила ему Франческа, когда он на своём стареньком каб-риолете следовал по дороге в аббатство.

Он даже не услышал звукового сигнала о полученном сообщении, поскольку говорил по громкой связи с профессором Де Ранго, который вот уже в 33-ий раз давал ценные указания для успешного выполнения работы и, что самое главное, настойчиво просил передать привет отцу Энцо – аббату, другу ректора и... кто знает скольких ещё высокопоставленных лиц.

«Невероятно, откуда такая устойчивая сотовая связь в этом глухом горном районе?» – задавался он вопросом.

Ровно через двадцать семь секунд было решено задействовать предусмотренный в подобных ситуациях чрезвычайный план для избавления от занудливого начальника: “симуляция внезапной потери сотовой связи с последующей установкой режима недоступности для входящих звонков в течение ближайших 30-ти минут”.

Клаудио, сорокалетний временный сотрудник Института информатики и телематики при пизанском отделении Национального научно-исследовательского совета, в послужном списке которого значились восемь лет работы по многочисленным краткосрочным контрактам, был направлен в срочную командировку с заданием, которое в англоязычном мире формулируется как “*Damage assessment and disaster recovery*”. Для несведущих, его миссия заключалась в проведении оценки ущерба и восстановлении данных цифрового архива одного старинного тосканского аббатства, который двое суток назад подвергся атаке какого-то чересчур рьяного российского хакера.

Разумеется, мысль о необходимости провести целую неделю в средневековой библиотеке, восстанавливая отсканированные старинные манускрипты, переустанавливая операционные системы, анализируя диски с молитвами и григорианскими песнопениями (среди которых вряд ли мог чудом затеряться какой-нибудь порнофильм), тогда как весь внешний мир был поглощён разработкой *блокчейнов* и криптовалюты, – эта мысль наполняла его неописуемым энтузиазмом.

За последний год Клаудио не опубликовал ни одной научной статьи. И вовсе не потому, что количество проведенных им исследований было недостаточным, и отнюдь не потому, что не достиг конкретных результатов... Причиной, вероятно, было лишь то, что за этот период ему не удалось открыть что-либо значимое, чем действительно стоило бы поделиться с мировой общественностью. Вот почему при первой же возможности над ним насмеялись его душевные коллеги, которые, в свою очередь, не упускали случая опубликовать и запатентовать каждую благородную отрывку, извергаемую из глубин собственного желудка после слишком сытного обеда.

Одним словом, в то утро даже компакт-диск группы «Иглз» с легендарным хитом «Отель Калифорния» был не в состоянии поднять ему настроение.

В 9:37, когда гитары Дона Фелдера и Джо Уолша уже издавали звуки заключительных арпеджио одного из самых красивых гитарных соло во всей истории рок-музыки, он прибыл к месту назначения.

«Уважаемый господин Клаудио, добро пожаловать в нашу обитель. Почтеннейший отец Энцо ожидал Вас уже со вчерашнего дня... Проходите, пожалуйста, сюда... я Вам сейчас же всё объясню.»

Вышедший ему навстречу радушный и явно обеспокоенный монах, не теряя ни минуты, провёл его во «взломанный» архив.

Вопреки ожиданиям, дела обстояли не так уж безнадежно: был выведен из строя основной сервер, куча документов оказалась зашифрована при помощи ключа AES длиной 2048 бит вирусом-вымогателем, требовавшим выкуп в размере 21 биткойна. Большинство монахов понятия не имело ни что такое вирус-вымогатель, ни что такое биткойн, но, к счастью, функция ограничения (read/write only) доступа к архиву с файлами резервных копий устояла против кибернападения... и, к тому же, – попробуйте сказать, что монахи не рождаются под счастливой звездой! – последняя доступная копия была автоматически сохранена системой всего лишь за 16 часов и 18 минут до хакерской атаки. Одним словом, если бы наш научный работник не находился в святой обители, он бы уж точно не удержался от вполне уместного в подобной ситуации колоритного нецензурного словца.

Стало быть, основная часть архива была в безопасности. Нужно было лишь удалить компьютерный вирус и восстановить около 9 терабайтов скан-копий манускриптов и цифровых книг, загрузив их «вручную» с дисков резервного копирования на основной накопитель. Наконец, дополнительным утешением для Клаудио было сознание того, что все вышеизложенные манипуляции можно было спокойно проделать, находясь в Пизе, и избежать тем самым сомнительного удовольствия столоваться в трапезной аббатства, наслаждаясь богоугодными постными лакомствами, приготовленными шеф-поваром в рясе.

Таким образом, спустя всего лишь 4 часа, дав исчерпывающие инструкции по восстановлению файлов *hosts* одному из монахов, который показался ему сообразительнее остальных, Клаудио извлек из телекоммуникационной стойки только самое необходимое, загрузил всё в машину и поехал домой.

Да, вот ещё что: тем временем восстановился приём сигнала на смартфоне, и красный кружок в правом верхнем углу иконки SMS давал недвусмысленно понять, что было получено два сообщения.

Содержание первого, написанного милейшим профессором Де Ранго, было буквально следующим: «Даже самые недалёкие в умственном отношении первокурсники больше не пользуются подобными ухищрениями! В этой зоне мобильный принимает безотказно! Понимаю, что я тебя за...л, но речь идёт об очень важном деле!!! Сообщи мне, как только нам удастся всё уладить. Спасибо.»

«Да уж, “НАМ удастся”...» – подумал Клаудио.

Во втором сообщении, присланном Франческой, содержалась фотография вырезки из газеты восемнадцатилетней давности.

Зная о том, что Клаудио был «премирован» поездкой в монастырь, его девушка сумела раскопать в архивах местной газеты, в редакции которой работала, копию статьи, повествовавшей о покрытых мраком обстоятельствах смерти отца Серджо – молодого монаха покорителя женских сердец, убитого одним ревнивым мужем, не примирившимся с тем, что жена слишком часто ходила исповедоваться.

Ужасающее зрелище, которое предстало взору немногочисленных очевидцев, обнаруживших распластанное перед алтарной картиной тело убитого, воскрешало в памяти леденящие душу кадры из фильмов “Код да Винчи”, “Семь”, “Имя розы” и “Основной инстинкт”.

Спустя некоторое время дело было передано в архив, но никто до сих пор так и не смог разобраться, что же в действительности означала кровавая надпись “*sinemensura*”¹, которую эксперты-криминалисты выявили при помощи люминола на рясе несчастного монаха.

¹ – в перев. с лат. означает «без меры». Данное словосочетание является частью фразы Блаженного Августина: “*Mensura amoris sine mensura amare*” (лат.), т.е. «Мера любви – любить без меры». (Прим. перев.)

Помня о том, что ему предстояло проанализировать 370000 файлов, и с нетерпением предвкушая телетрансляцию финального поединка “Ролан Гаррос”, Клаудио, не прочитав ту самую статью, вероятно – нет, наверняка! – не обратил бы никакого внимания на небольшой каталог в файловой системе последнего диска, озаглавленный “Отец Серджо”.

В нём содержались десятки файлов со стихами о любви, фотографии красивых молодых женщин и единственный зашифрованный файл с расширением “.axh”, защищённый паролем.

Клаудио прекрасно знал, что вероятность угадать секретный код (содержащий 11 символов из 95 возможных) составляла примерно 0,0000000000000000000175 % и что, чтобы раскрыть его при помощи атаки brute force с частотой 100000 попыток в секунду, можно было бы потратить около 1 миллиарда и 803 миллионов лет, посему, отставив на этот раз в сторону цифры и символы, решил провести один эксперимент:

набрал на клавиатуре “*sinemensura*” и, ощутив прилив адреналина подобно пирату, сумевшему отпереть сундук с вожаденным сокровищем, погрузился в чтение самой захватывающей из всех прочитанных им доныне историй.

I

Феррарская война

Ноябрь 1482 года

В тот суровый вечер порывы студёного ветра, остервенело хлеставшего башенные зубцы замка Сан-Джорджо, не могли сравниться по силе с бурей страстей, бушевавших в его кипящих недрах.

Шёл месяц ноябрь 1482 года от Рождества Христова, Мантуя была морозной и пустынной. Беатриче лежала на постели в собственных покоях, отрешённо устремив пристальный взгляд на императорских орлов, изображённых на потолке. Внезапно поглотившее её разум воображение и мысли неподобающие даме её ранга граничили с непристойностью. Беатриче знала, что как только шумная трескотня слуг герцогов Гонзага покинет бельэтаж, придет он – обворожительный дипломат, всецело завладевший её рассудком. Его нисколько не беспокоило (если даже не сказать «было на руку») неосмотрительное отсутствие помолвленного с Беатриче её кузена: вот уже два дня, как молодой маркиз вместе со своим отцом сражался под городскими стенами Феррары, доблестно защищая знатный род д'Эсте, которому угрожали венецианцы под командованием графа Роберто ди Сан-Северино.

По сути события развернулись следующим образом. Джироламо Риарио, алчный правитель Имолы и Форли, заручившись высоким покровительством собственного дяди, папы Сикста IV, провозгласил своей целью в короткий срок захватить герцогство, принадлежавшее Эрколе д'Эсте, и сумел убедить дожа Венеции в необходимости развязать войну против Феррары, виновной в том, что с некоторого времени она начала представлять угрозу монополии Венеции в торговле солью на территории Полёзине.

Династия д'Эсте известная своей изысканностью, но отнюдь не искушённая в военных вопросах, недаром в своё время породнилась с Неаполитанским королём (Эрколе был женат на дочери Фердинанда Арагонского, Элеоноре). Кроме того, д'Эсте сумели найти союзников в лице правителей прилежащих итальянских территорий, среди которых, наряду с остальными, был Людовико Мария Сфорца по прозвищу Моро, которому ещё задолго до этих событий герцог Феррары пообещал отдать в жёны одну из своих дочерей.

Таким образом, весь полуостров вскоре раскололся на два враждующих лагеря. С одной стороны – Папское государство во главе с Сикстом IV, Имола и Форли под предводительством Риарио, Венецианская и Генуэзская республики, Маркграфство Монферрат и Графство Сан-Секондо-Парменсе; с другой – Герцогство Феррара, управляемое Эрколе д'Эсте, Неаполитанское королевство Фердинанда Арагонского, Миланское герцогство Лодовико Моро, Мантуанское маркграфство Федерико Гонзага, Герцогство Урбино, которым правил Федерико да Монтефельтро, Синьория Болонья, где в то время у власти стоял Джованни Бентивольо, и, наконец, Флорентийская республика Лоренцо де Медичи.

К началу осени венецианские войска добились значительного превосходства: завладели Ровиго, взяли в осаду Фикароло, захватили Ардженту и теперь сомкнули осадное кольцо вокруг Феррары. Ситуация для защитников герцогства д'Эсте ещё более усложнилась, когда в сентябре умер от малярийной лихорадки самый опытный полководец антивенецианской коалиции, знаменитый Федерико да Монтефельтро.

Совершенно неожиданно, глава католической церкви, который тем временем нанёс поражение неаполитанцам под Кампоморто, без видимой на то причины решил положить конец военным действиям и вступить в переговоры с неаполитанским королём. Дело в том, что Людо-

вико Моро, пустив в ход дипломатические средства, сумел убедить ближайших советников папы римского, что стремительная экспансия Светлейшей Республики Венеции в Северной Италии угрожала перерасти в серьёзную опасность не только для Милана, но и для Рима; следовательно, продолжать эту дорогостоящую войну лишь ради того, чтобы ублажить безрассудные амбиции Риарио, безусловно, не было выгодно ни одной из сторон.

К несчастью, Венеция, предвкушая близость окончательной победы, как и следовало ожидать, несколько не намеревалась ослабить хватку, а наоборот, желала довести дело до победного конца до наступления суровых холодов.

И в самом деле, в тот день её армия, воспользовавшись неосмотрительными действиями противников, должна была начать новое наступление с севера, против позиций войск Франческо Гонзага, изо всех сил старавшегося устоять неприятельскому натиску, сосредоточившись как никогда на оборонительной стратегии и совершенно не подозревая о том, что вот-вот должно было произойти в наполненных благовониями комнатах его прекрасного дворца...

Лишь два удара в дверь... Они прогремели для юной влюблённой грозным набатом: подобно увесистому языку колокола её рассудок колебался между острым чувством стыдливости и отчаянным бесстрашием.

Не та презирающая опасность, безумная дерзость маркиза, её суженого, рисковавшего жизнью под выстрелами арбалетов и аркебузов, – нет! – истинная смелость заставила девушку схватить ключ, повернуть его в замочной скважине и позволить своему возлюбленному переступить порог – последний оплот на пути к уже утратившему целомудрие сердцу.

В тот момент, когда тень от открывавшейся входной двери, освещённой огнём камина, вытягивалась становясь всё длиннее, и бесстрашный поклонник входил в комнату, Беатриче резко повернулась, и с её головного убора скатилась на пол оторвавшаяся жемчужина.

«Скажи мне, что это не грех», – произнесла она с мольбой в голосе.

Он медленно наклонился, подобрал жемчужину, обхватил Беатриче за талию и, слегка прикоснувшись губами к её шее, прошептал первую и единственную в ту ночь фразу:

«Безусловно это грех. Но упустить это мгновение, будет грехом куда более тяжким.»

В тот же миг Беатриче закрыла глаза и, не ведая о печальном известии с поля битвы, которое ожидало её на следующий день, грациозно повернулась и всецело отдалась страсти. В то время, когда её наречённый униженно отступал под натиском венецианской кавалерии, Беатриче, подобно амазонке в седле, ликовала от счастья, свободная хотя бы на одну ночь быть самой собой.

И вот, когда утих лязг сабель на ратном поле и догорело в камине последнее полено, вместо неминуемого поражения Феррары, новая заря провозгласила лишь... взятие Тристаном Личини де Джинни очередного любовного трофея.

II Юный Тристан

Из Бергамо в Рим

Двадцатидвухлетний Тристан – незаурядный образованный молодой человек – отличался изысканными манерами и блистательным умом. Стройная фигура и гармоничное телосложение позволяли смело назвать его мужчиной с красивой внешностью. Несмотря на юный возраст, он был признан авторитетным дипломатом Папского государства, и поэтому был вхож в круги дворовой знати практически всех итальянских княжеств. Тем не менее, Тристан не имел постоянной резиденции и время от времени, по поручению Святого Престола и подчас без ведома официальных послов, отправлялся в то или иное государство полуострова (и не только) с целью уладить самые деликатные и зачастую секретные вопросы. Пусть он и не был наделён знатным титулом, все властители и именитые особы знали, что говорить с ним было всё равно что общаться напрямую с Его Святейшеством. Прошлого его было для всех загадкой, имя его никогда не упоминалось в официальных бумагах. Одежды его были куда роскошнее, чем у многих графов и маркизов, но на груди у него никогда не красовались ни наградные знаки, ни родовые гербы. Казалось, что кошелек его был бездонным, хоть он и не был сыном банкира или купца. Непринуждённо маневрируя на политической сцене, он никогда не оставлял следов; будучи ревностным летописцем своей эпохи, никогда не упоминался на страницах Истории. Вездесущий, он был неуловим, как будто бы его и не было.

Первые полтора десятилетия своей жизни Тристан провёл в провинции, близ Бергамо, по соседству с окраинными территориями Венецианской республики. Там он получил достойное образование, а также чувственное и сексуальное воспитание, не стеснённое рамками общепринятой морали. Родившись без отца и потеряв мать в раннем отрочестве, он жил со своим дедом – уставшим от жизни старцем из обедневшего дворянского рода, который вопреки здравому смыслу продолжал самодовольно кичиться генеалогической связью своих предков с династией императора Священной Римской империи Фридриха II, породнившегося в эпоху крестовых походов с некоторыми аристократическими тосканскими семьями, от которых спустя пару веков остались лишь смутные воспоминания. Впрочем, городские и сельские обыватели выказывали к старику определённое почтение, которое постепенно распространилось и на юного Тристана. Достигнув надлежащего возраста, он был отдан на обучение вначале к монахам-доминиканцам, позднее – к братьям-францисканцам, и с первых же шагов проявил несомненную склонность к логике и риторике, хотя каждое воскресное утро и приводил в ярость своих набожных наставников, явно предпочитая созерцание подобных ангельским видениям юных послушниц, прибывавших в церковь, штудированию древнегреческой и древнеримской литературы. Случалось застать его угрюмым (пожалуй, причиной тому мог быть недостаток родительского тепла), но ни разу он не был уличён в дерзости. Задорный темперамент уживался в нём со сдержанностью, бойкость никогда не переходила в наглость. Всё это, а также невинный облик паренька, подкупало обывателей: вот почему он снискал всеобщую любовь среди местных жителей, особенно среди женщин.

Вскоре после того, как Тристану исполнилось 12 лет, он стал свидетелем одного эпизода, который не раз навещал его ночные грёзы уже в зрелом возрасте. Увиденное открыло ему новый мир, бесконечно далёкий от привычных для него монастырских уставов и кардинальных добродетелей, о которых он так часто читал в книгах. В тот жаркий день в начале лета, когда солнце уже слегка клонилось к западу, двери и большие окна скриптории мона-

стырской библиотеки были широко распахнуты, чтобы позволить дуновению ветерка скрасить чтение массивных фолиантов. В руках у Тристана был том, повествовавший о бытии Блаженного Августина, чья фигура возбуждала в нём особый интерес. Удобно угнездившись в уголке возле окна, подросток собирался погрузиться в изучение мудрёных бумаг, когда его внимание привлекла странная для этого времени дня сцена: от паперти, в сторону пустынной улицы, торопливым шагом направлялась Антония, безутешная вдова. Она была не одна: почти рывками волокла за собой едва научившуюся ходить дочурку, которой было не более двух лет. Казалось, что несчастная очень спешила добежать до своей цели никем не замеченной; преодолев несколько метров, она всё с той же осмотрительностью слегка сместилась вправо и, добежав до лавки аптекаря, стрелой юркнула в дверь. Спустя мгновение, наружу высунулась голова хозяина лавки. Бросив беглый взгляд направо и налево, он поспешно исчез внутри помещения, наглухо заперев дверь, которая растворилась вновь лишь по прошествии получаса, чтобы позволить выйти на улицу матери с дочкой. Подобная сцена повторялась каждую последующую субботу, что пробудило в подростке неукротимый соблазн дознаться, в чём же дело. С этой целью он задумал спрятаться в старом сундуке, в котором один из подёнщиков его деда возил бурдюки с родниковой водой жене аптекаря: эта состоятельная синьора вместе со своими двумя дочерьми готовила в лаборатории супруга дистилляты, гидролаты и духи. Когда сундук был загружен, Тристан вытащил оттуда несколько бурдюков, чтобы суметь поместиться в нём самому, забрался внутрь, свернулся калачиком и терпеливо дождался момента, когда подёнщик взвалил сундук на телегу и, ничего не подозревая, доставил груз, как обычно, прямо в лавку. Притаившись в утробе своего деревянного коня, словно Одиссей в легендарной Трое, Тристан выждал, пока помощник аптекаря не удалился, чтобы заплатить за оказанную услугу, вынырнул из сундука и схоронился за мешками с зерном, которыми была завалена кладовая. Теперь оставалось только ждать... И действительно, вскоре после того, как церковный колокол возвестил три часа пополудни, пунктуально порог полусумрачной лавки переступила красавица Антония вместе со своей малышкой. Поджидавший у входа страждущий алхимик бросился ей навстречу, словно волк на добычу, припав к её пышной груди и припирая женщину к неподвижной створке входной двери. В то время, как правая рука запирала засов, левая шарилась под одеждой миловидной синьоры, которая, выпустив ручонку малышки, стаскивала с головы чепец, лишь мгновение назад скрывавший длинные отливавшие медью волосы. Не веря собственным глазам, паренёк зорко следил за происходившим в лавке, пропахшей дурманящим ароматом трав, пряностей, кореньев, свечей, бумаги, чернил и красителей... После первых излияний аптекарь ослабил хватку, едва позволив молодой матери усадить дочь на маленький стульчик и сунуть ей в руки тряпичную куклу, потом схватил её за руку, потянул в кладовую и спросил с сарказмом в голосе: “Ну, скажи-ка, что ты рассказала сегодня на исповеди дону Беренгарию?”. Страсть между любовниками разгорелась с новой силой: вслед за смешками и неразборчивым шёпотом послышались приглушённые стоны; слегка отодвинув занавеску, едва прикоснувшись к ней двумя пальцами, отважный шпион увидел, как двое грешников бесстыдно прелюбодействовали среди сушёных трав, семян, духов, ароматных вод, эфирных масел и помад...

Именно так началось половое воспитание Тристана. И вскоре, как этого требует любая уважающая себя дисциплина, оно было подкреплено как теорией (почерпанной из текстов, признанных его учителями непозволительными), так и практическими занятиями, имевшими своей целью приводить в смущение молоденьких послушниц и пробуждать в них угрызения совести.

Первый в своей жизни опыт интимной близости он обрёл в объятьях Элизы ди Джакомо, старшей дочери конюха, подвизавшегося в поместье. Красавица Элиза была на два года старше Тристана и с удовольствием сопровождала его во время долгих прогулок по горным тропинкам, очарованная его речами и планами на будущее. И каждый раз это, казалось бы, невинное

времяпрепровождение неизбежно заканчивалось любовными утехами в каком-нибудь шалаше или лесной хижине.

В тот памятный день вся местная община, следуя древней традиции, была увлечена сбором винограда, а тем временем двое уединились в укромном местечке, чтобы предаться плотским наслаждениям. В самом разгаре крестьянского праздника, как снег на голову, на всём скаку налетела бригада чужеземных солдат. Она стрелой промчалась сквозь толпу переполошившихся селян и остановилась перед незатейливым деревенским альковым, взяв его в кольцо. Старший по званию, облачённый в сверкающие доспехи, каких в здешних краях никто никогда не видывал, соскочил с коня, снял шлем и, вышибив дверь одним ударом ноги, ворвался в хижину, приведя в полнейшее замешательство ошеломлённых голубков:

«Тристан Личини де Джинни?»

«Да, господин, это я, – ответил юноша, подтягивая штаны и пытаясь загородить своим телом от глаз незнакомца полуобнажённую перепуганную подругу. – А Вы кто будете, мессер?»

«Моё имя Джованни Баттиста Орсини, повелитель Монтеротондо. Одевайтесь! Вам надлежит немедленно отправиться со мною в Рим. Ваш дражайший дед уже обо всём проинформирован и дал своё согласие на то, чтобы Вы покинули эти земли и как можно скорее пожаловали в резиденцию моего глубокоуважаемого и почтеннейшего дяди, Его Преосвященства кардинала Орсини. Мне было велено препроводить Вас к нему даже силой, если это понадобится. Так что прошу Вас не противиться и следовать за мной.»

Итак, в возрасте всего лишь 14 лет, вырванный из своего крошечного провинциального мира, в котором он успел уже выкроить себе место под солнцем, Тристан навсегда покинул этот скудный приграничный край с его эфемерными рубежами, чтобы начать новую жизнь в изобиловавшей роскошью столице, в избранном Господом в качестве своей земной обители вечном городе цезарей, почтительно величаемом «*caput mundi*»²...

По прибытии в кардинальскую резиденцию Монте Джордано, измученный изнурительным семидневным путешествием юный гость сразу же был окружен заботами приставленного к нему слуги и вскоре предстал перед лицом почтеннейшего кардинала Латино Орсини – одного из виднейших представителей римских гвельфов, высочайшего камерлинга и архиепископа Таранто, бывшего епископа Кёнцы и архиепископа Трани, архиепископа Урбино, кардинал-епископа Альбано и Фраскати, апостольского администратора архидиоцеза Бари и Канозы и диоцеза Полиньяно, правителя Ментаны, Сельчи и Паломбары, *et cetera et cetera*.

По дороге к Его Преосвященству Тристан всматривался в суровые лица мраморных бюстов прославленных предков знатного рода, венчавшие консоли с изображением львиных голов и роз – отличительной чертой семейного герба Орсини. Рождавшиеся один за другим в его уме вопросы множились с головокружительной быстротой, как будто бы гнались наперегонки, наталкиваясь один на другой.

Длинная зала, где лизены³ перемежались с окнами, над которыми красовались округлые люнеты⁴ с рельефными львиными головами и сосновыми шишками, коронованными орлами, бисционами⁵ и другими элементами геральдики, показалась ему бесконечной.

Его Преосвященство сидел в своём запylённом кабинете, сосредоточенный на подписании целой кипы канцелярских бумаг, которые ему подавали, мастерски соблюдая положенный ритуал, два безбородых диакона.

² Букв. «глава мира», иными словами центр вселенной (лат.). (Прим.перев.)

³ Лизена – плоский вертикальный выступ на всю высоту стены, ложная колонна. (Прим.перев.)

⁴ Люнет – небольшой арочный проём в сводах, куполе, также участок стены над окном или дверью, ограниченный аркой и её опорами в форме полукруга или сегмента круга и горизонталью снизу. (Прим. перев.)

⁵ Бисцион – эмблема миланского аристократического рода Висконти – представляет собой лазурного змея на серебряном фоне, держащего в пасти человека. (Прим. перев.)

Едва заметив присутствие юного посетителя, он неторопливо поднял голову, слегка повернув её в сторону двери; пристально глядя на подростка и не отрывая локтя от стола, он медленно приподнял левую руку с открытой ладонью, упреждая этим жестом своего подручного, готового подать ему очередные документы. Встав из-за стола, он степенно подошёл к прибывшему, как будто выискивая наиболее удачный ракурс, чтобы получше разглядеть его черты; благосклонно погладил его по щеке рукой, задержав её на какое-то мгновение под подбородком.

«Тристан, – прошептал кардинал, – наконец-таки, Тристан».

Затем положил одну руку ему на голову, а другой —благословил, осенив его крестным знамением.

Парнишка, несмотря на обуявшее его смещение робости и замешательства, не сводил напряжённого взгляда с Его Преосвященства, стараясь не пропустить ни малейшего движения губ или глаз, которое могло бы как-то выдать причину его поспешного переезда. Кардинал, сжимая в кулаке драгоценный крест, красовавшийся на его груди, резко повернулся к широкому застеклённому окну, сделал шаг вперёд и, предвосхищая витавший в воздухе вопрос, вымолвил:

«У тебя смыслённый взгляд, отрок мой. Наверняка ты задаёшься вопросом, по какой причине тебя принудительно доставили в Рим...»

После кратчайшей паузы продолжил:

«Не наступил ещё момент, чтобы раскрыть тебе причину. Пока не наступил... Знай только, что привезён ты сюда исключительно для твоего блага и безопасности, а также с целью обеспечить тебе достойное будущее. Ради твоего личного благополучия и благоденствия Святой Римско-католической церкви ты должен оставаться в неведении. В эти смутные времена одержимые головы и дьявольские силы готовят заговор против добра и истины. Это было известно твоей матери. Не снимай никогда розарий, что на шее твоей. Это твой оберег, знак её благословения.

Если есть в тебе что-то достойное, то этому ты обязан только этой женщине – той, которая произвела тебя на свет, даровав тебе плоть свою для мирской жизни и сердце своё для жизни вечной. Движимая безграничной материнской любовью, прежде чем воссоединиться с Господом нашим, она отдала тебя под Наше покровительство, и с тех пор Мы храним эту тайну, которую ты узнаешь, лишь когда наступит срок. *Veritas filia temporis*⁶.»

«Господин, покорнейше прошу Вас, – заговорил Тристан дрожащим голосом, – как и любой благочестивый христианин, я должен знать правду...» И, пытаясь силой духа сдержать колотившееся сердце, добавил: «Жития святых и पुще других жизнь Блаженного Августина учат нас искать истину – ту самую истину, которую Вы сейчас от меня скрываете».

Прелат внезапно обернулся и, уставив на подростка суровый взор, в котором сквозило некое удовлетворение пылом юного собеседника, парировал:

«Отвечу тебе словами Амвросия Медиоланского, обращёнными к тому, кого ты так недостойно цитируешь: “Нет, Августин, не пристало человеку истину искать, ибо сама истина разывает человека”. И подобно тому, как это случилось с юношей из Гиппона, твой путь к истине только начинается».

И прежде, чем кто-либо из присутствовавших осмелился проронить слово, кардинал обратил взор на провожатого и повелительным тоном изрёк:

«Теперь можете удалиться».

Онемевший от растерянности Тристан тотчас же был препровождён прочь, и спустя несколько дней, как следует подкрепившийся и разодетый в строгом соответствии с канонами

⁶ Истина – дочь времени (лат.). (Прим. перев.)

старинного рода своего амфитриона, был перевезён из его резиденции *Mons Ursinorum* в Римскую курию и включён в свиту племянника кардинала.

Несмотря на настойчивые попытки Тристана дознаться до истины, его новый покровитель, Джованни Баттиста, так и не дал ему никаких убедительных объяснений по поводу таинственных недомолвок – либо действительно не зная правды, либо будучи принуждённым к молчанию. Повелитель Монтеротондо ограничился лишь скрупулёзным выполнением миссии, доверенной ему его высокопоставленным дядей, и с первых же дней посвятил себя подготовке неоперившегося сироты к блестящей дипломатической карьере, убедившись на деле, что юнца нисколько не прельщала жизнь, проникнутая мистицизмом и религиозным благочестием.

Что же касается самого воспитанника, то он время от времени в безмолвии глубокой ночи воскрешал в памяти слова, произнесённые кардиналом Латино в ходе их первой встречи, чувствуя себя совершенно бессильным перед многочисленными «почему?», осаждавшими его разум. Почему он не мог и не должен был знать правду? Почему и от кого он должен быть защищён? Как случилось, что его бедная мать была лично знакома с таким важным прелатом и почему она доверила ему тайну о своём сыне? Почему этот секрет был так опасен не только для Тристана, но и для всей Католической Церкви?

Бывало, в голове его всплывали образы знакомых с детства людей и мест, но теперь, когда единственный в этом мире родной человек отдал его на попечение такого видного благодетеля, Тристан не мог пренебречь идеальной возможностью всерьёз заняться тем, что с пламенным воодушевлением воспевалось отцами-доминиканцами. Посему сосредоточился на учёбе и быстро приспособился к среде римского духовенства, помпезно обставленным помещениям Курии, грандиозным монументам, величественным дворцам, лукулловым пиршествам...

... *Tempora tempore*⁷ он уже чувствовал себя настолько непринуждённо в новой обстановке, что казалось, будто привык к этому стилю жизни с раннего детства. Каждый день дарил ему что-либо новое; ежедневно его культурный багаж пополнялся новыми знаниями; не проходило ни дня, чтобы ему не представился случай познакомиться с новыми людьми, среди которых были князья и пажи, люди искусства и придворные, инженеры и музыканты, герои и миссионеры, иждивенцы и трусы, прелаты и публичные женщины. Всеобъемлющая нескончаемая школа жизни...

Впрочем, уметь знакомиться с как можно большим количеством людей (независимо от их происхождения, звания, сословия, культуры, верования и генеалогии), проникать в их маленький мир, добывать нужные сведения, анализировать мельчайшие детали, прокрадываться в самые потайные уголки человеческой души – всё это составляло основу его профессии. И, видимо, в силу своего ремесла он, на первый взгляд, был другом всех и каждого. В действительности же, из несметного множества мужчин и женщин, с которыми когда-либо свела его жизнь, мало кого наш дипломат относил к числу своих настоящих друзей. С тремя из них Тристан сблизился именно в эти годы и, зная всю их подноготную, бережно хранил сокровенные секреты каждого.

Якопо – монах-бенедиктинец, искусный алхимик, знаток ботаники, адских смесей, зелий, духов и, к тому же, изобретатель превосходных ликёров и дижестивов. Подобно Тристану, он страстно увлекался классической патристикой и изучением вопросов философского поиска истины. Будучи совсем юным, он отправил к праотцам своего учителя – старого гнусного педофила, многократно насилувавшего своих учеников, – использовав в качестве орудия убийства... перегонный куб. Тело развратника, растворённое в кислоте, так никогда и не было найдено.

Вероника, выращенная матерью в одном из венецианских публичных домов, с детства постигла искусство оболыщения и вот уже несколько лет жила в Риме, где мастерски пускала

⁷ *Со временем (лат.). (Прим. перев.)*

в ход освоенные навыки. Каждый день её дом свиданий посещали живописцы, литераторы, военные, богатые купцы, банкиры, графы, маркизы и, чаще других, высокопоставленные прелаты. Из родных у неё никого не осталось, за исключением сестры-близняшки, которую она ни разу в своей жизни не видела, и о чём таинственном существовании было известно лишь Тристану.

Людовико, сын и подмастерье портного семьи Орсини – человек с утончённым вкусом, творческий, эксцентричный, общительный, большой знаток тканей и всевозможной фурнитуры, всегда прекрасно осведомлённый обо всех новинках и дуновениях моды, рождавшихся в самых разных государствах Итальянского полуострова и Европы. Каков же был его секрет?... А дело было в том, что Людовико гораздо больше привлекали мужчины, чем женщины, и несмотря на то, что он ни разу не осмелился заявить об этом в открытую, восхищался Тристаном и питал к нему особые чувства, которые порой выходили за рамки простой дружбы.

При первом же удобном случае, в редкие свободные от служебных обязанностей моменты, когда одна миссия была выполнена, а новое поручение от Курии ещё не поступило, начинающий дипломат охотно общался со своими друзьями... Вернувшись в Рим после очередной поездки, он, по обыкновению не теряя времени, спешил навестить каждого из них, чтобы поведать о своих приключениях и принести каждому в подарок какой-нибудь сувенир.

Летом 1477 года, тяжело заболев, кардинал Орсини немедленно вызвал к себе своего протеже, находившегося в тот момент в аббатстве Санта Мария ди Фарфа. Тристан молнией помчался в Рим, но приехав туда, нашёл дворец уже в траурном убранстве. Вбежав на бельэтаж, он увидел, что весь зал – от самого входа до изголовья усопшего – был переполнен князьями и другими знатными особами, которые со скорбным видом перешёптывались между собой. Увы, кардинал покинул этот мир, и вместе с ним ушла в небытие какая бы то ни было возможность узнать из его уст тайну, окутывавшую прошлое молодого папского чиновника.

К сожалению, Его Преосвященство не оставил ничего, что могло бы помочь разгадке. Даже в завещании прелата не было ни малейшего намёка на секрет, упомянутый три года назад.

В дни, последовавшие за смертью кардинала, Тристан с неимоверным упорством принялся за тщательное расследование мельчайших подробностей богоугодной жизни Латино Орсини, обшарив с этой целью всю дворцовую библиотеку. Однако все усилия оказались тщетными: ему не удалось разыскать ровным счётом ничего, никакой мало-мальски стоящей подсказки, кроме... нехватки одной страницы, вырванной из старого дорожного дневника. Документ касался одной важной миссии кардинала Орсини в Барлетте и датировался 1459-ым годом. Практически все манускрипты, написанные Его Преосвященством, хранились с такой маниакальной скрупулёзностью, что любая рукопись, в которой не доставало одного листа, извлечённого притом с явно бросающейся в глаза небрежностью, была бы немедленно приведена в порядок самим Латино или же его рачительными библиотекарями. Именно этот факт на какое-то мгновение показался Тристану подозрительным, но, к сожалению, среди бумаг не обнаружилось ничего иного, что могло бы навести его на какой-либо след или позволило сформулировать какую-либо гипотезу, достойную более глубокого расследования. По этой причине он решил прекратить поиски и вернуться в Курию с тем, чтобы продолжить свою дипломатическую деятельность под руководством Джованни Баттиста Орсини, который между тем получил вожделенный титул апостольского протонотария.

Первые поручения в рамках дипломатических миссий за пределами Папского государства Тристан выполнял будучи приставленным к апостольскому нунцию Роберто Лицианскому, но очень скоро его редкостные дарования – усердие, осмотрительность и тактичность – убедили Джованни Баттиста и его советников в возможности доверять молодому человеку всё более и более сложные и щекотливые вопросы, для разрешения которых ему требовалась определённая свобода действий.

Подобного рода гордиевым узлом, несомненно, была крайне запутанная ситуация, возникшая в ходе Феррарской войны. Помимо того, что в силу разных причин в конфликт оказались втянутыми в той или иной степени все полуостровные княжества, в самой Папской области обстановка усложнялась с каждым днём. Для того, чтобы её наладить, нужны были искусные стратеги, способные, подобно шахматистам, играть одновременно хотя бы две партии: одну – на внешнеполитической доске, а вторую – вероятно, более рискованную для Святого Престола – на внутренней. А объяснялось это тем, что в Риме на тот момент сформировались два противоборствовавших лагеря: с одной стороны, верные папе римскому кланы Орсини и Делла Ровере, а с другой – князья из рода Колонна, поддерживаемые кланом Савелли.

В общем, надо сказать, что жизнь нашего молодого дипломата была отнюдь не простой: союзник, с которым ещё вчера за ужином был скреплён священный и неразрушимый альянс, к утру мог превратиться в злейшего презренного врага – простую пешку, которую было необходимо убрать с доски, чтобы избежать шаха или получить возможность сделать рокировку, разменную фигуру, приносимую в жертву, чтобы обрести возможность нанести финальный удар...

Уже в самом начале осени 1482 года крутой поворот в политике Папского государства стал довольно ощутимым. Святым Престолом было решено положить конец войне, поэтому Тристан был послан ко двору Гонзага с целью продемонстрировать новую позицию Рима в отношении Феррары и Мантуи. И тем временем, пользуясь радушным гостеприимством хозяев и имея свободный доступ ко всем помещениям великолепного дворца, двадцатидвухлетний красавец уж точно не мог остаться нечувствительным к соблазнительным прелестям молодых знатных дам, пламенно выказывавших свой интерес к его особе в те холодные зимние вечера.

III

Алессандра Липпи

Встреча с Пьетро Ди Джованни и краткая остановка в Прато

С первыми лучами мантуанского солнца Тристан, оставив свою юную наперсницу в объятиях Морфея, вернулся в свои апартаменты и уже пытался предаться желанной дремоте, когда настойчивый голос вернул его в реальный мир:

«Ваше Превосходительство... Ваше Превосходительство ... Мессер...»

Стоявший под окном незнакомый солдат с небольшим пергаментным свитком в руке упорно требовал его внимания.

Послание, скреплённое легко узнаваемой папской печатью и адресованное Тристану, предписывало ему как можно скорее вернуться в Рим.

Таким образом, даже не дождавшись вестей с бранного поля, папский чиновник вместе со своей личной охраной был вынужден покинуть город Вергилия, однако успев при этом наспех набросать две записки, подходящие в таких обстоятельствах. В первой – предназначавшейся маркизу Федерико – он приносил свои извинения за столь скоропостижный отъезд и повторно заверял его и герцога Феррары во вновь обретенной поддержке главы Святого Престола; во второй – адресованной его милой Беатриче – выражал свою признательность за щедро подаренную ему минувшую ночь и желал ей встретить любовь, в которой она так нуждалась и которую её суженый не был способен ей даровать.

Целый день он провёл в седле, сделав единственную остановку в Болонье, чтобы накормить и напоить лошадей, прежде чем направиться к перевалу через Эмилианские Апеннины, взяв курс на Флоренцию.

На другой день, молодой доверенный Папского Престола проезжал через густой безмолвный буковый лес, когда неожиданно дорогу ему пересекла выпущенная из арбалета стрела, заставившая подняться в воздух испуганную стайку дроздов и озябших черноголовков. Тристан и сопровождавшие его солдаты инстинктивно замедлили шаг и схватились за оружие, тогда как всё в том же направлении во весь опор промчалась взмыленная тёмно-гнедая лошадь с кровоточившей раной на холке. Управлял конём, с трудом удерживая поводья, незнакомый мужчина. Позади него, обхватив своего спутника обеими руками, сидела молодая женщина. Мгновение спустя, проскакали четверо всадников, далее – ещё двое: и те, и другие несомненно преследовали злосчастную пару.

Движимый внезапным порывом отважный посол Его Святейшества решил присоединиться к погоне, углубляясь в лесную чащу, а сопровождавшим его телохранителям не оставалось ничего иного, как следовать за ним.

Однако, когда на смену лесу открылась обширная пологая прогалина, трое незваных свидетелей приструнили своих скакунов, спрятавшись в густых зарослях и держась на разумном расстоянии, чтобы попытаться понять суть происходящего.

Обессиленная несчастная гнедая рухнула наземь; молодая пара, выбитая из седла, безуспешно пыталась укрыться в маленькой полузаброшенной хижине, будучи уже фактически настигнутой и загнанной в тупик своими преследователями; двое из них, с мечом в руках, спешили, в то время как остальные четверо окружили лачугу.

Пока девушка изо всех сил пыталась открыть ветхую дверь, молодой человек, подобно одинокому льву в окружении стаи гиен, вооружившись вилами, готовился дать отпор двум ухмылявшимся головорезам. Невзирая на численное превосходство противника, он сумел

отразить выпад неприятеля, атаковавшего справа, нанеся ему удар ногой ниже пояса, потом резко повернулся в сторону нападавшего слева и, успев уклониться от удара мечом, проткнул ему бок вилами. Добыв себе таким образом меч, бросил молниеносный взгляд на девушку, окружённую тем временем остальными наёмниками, и вступил в схватку с первым негодяем, обезоружив его несколькими ударами клинка и повалив на землю, несмотря на мощное телосложение соперника. Однако в этот момент отчаянный крик о помощи его спутницы привлёк его внимание; обернувшись в сторону женщины, он метнул меч, как будто бы это был дротик, поразив в грудь очередного противника, осатанело бросившегося ему навстречу. Спустя мгновение пущенная из арбалета последним оставшимся в седле бандитом стрела пронзила ему плечо; и когда два других злодея обрушились на него из-за спины, накрыв металлической сетью, похожей на ту, что используется во время охоты на дичь, опрокинув его на землю и вмиг стянув ему руки и ноги ремнями, бесстрашный герой оказался совершенно бессильным оказать какое-либо сопротивление.

«Нет, Пьетро! – истошно закричала девушка. – Оставьте его! Ведь вам не он нужен, а я!» – разрыдалась она.

«Стойте! – приказал по всей видимости главарь шайки. – С ним мы покончим позднее». И, устремив взгляд на несчастную девушку, добавил: «Прежде позабавимся немного».

«Ублюдки! – заорал поверженный на землю, безуспешно пытаясь освободиться от пут. – Сволочи, трусы, сукины дети!»

Грубый мужлан ухватил объятую страхом девушку за волосы и, срывая с неё одежду, припёр к стене хижины, скрутив ей руки за спиной, и пока двое сообщников связывали ей ноги верёвкой, принялся расстёгивать штаны, предварительно заткнув тряпкой рот своей жертвы, чтобы заглушить её вопли.

В этот момент, Тристан, не в силах больше оставаться безучастным к такому омерзительному насилию, решил наконец вмешаться: выскочил вместе со своими солдатами из засады и неистово бросился на лютую стаю похотливых гиен. Хотя кое-кто из насильников и был выведен из строя, они всё же сохраняли численное превосходство и отнюдь не дали застать себя врасплох, решительно настроившись дать отпор. В то время, как один из головорезов застёгивал штаны, Тристан успел заметить на оторочке его плаща легко узнаваемую лилию – символ семьи Медичи —, и прежде чем одному из его сообщников удалось взвести арбалет, взяв на прицел солдата папской армии, поднял вверх руку со сжатым кулаком и властным тоном командовал:

«Остановитесь, именем господина Лоренцо де Медичи я вам приказываю: остановитесь!» – и он величественно простёр руку вперёд, после чего медленно провёл ею справа налево, как бы пересчитывая наёмников одного за другим. «За мной следуют двадцать пять человек, готовые арестовать вас и доставить в застенки моего друга Лоренцо», – добавил Тристан.

Самый дюжий из всей банды, узнав родовой символ своего господина, изображённый на перстне, и опасаясь неприятных последствий, немедленно приказал своим приспешникам бросить оружие; когда же он попытался привести какие-то доводы, чтобы оправдать происшедшее, Тристан круто оборвал его:

«Пошёл прочь, окаянный».

Четверо негодяев, не смея что-либо возразить, вскочили на коней и мгновенно скрылись в лесу.

Солдаты папской армии, глубоко ошеломлённые тем, как молодой дипломат сумел всё уладить, быстро освободили от пут молодых людей и, перевязав их раны, помогли им вскарабкаться на лошадь.

И вот наконец наши герои смогли вновь двинуться в путь, тогда как сопровождавшее их по правую руку солнце начало медленно спускаться за горизонт.

Поздним вечером путешественники прибыли в город Прато, где жили кое-какие знакомые Тристана, которые, вероятно, смогли бы позаботиться о двоих несчастных, позволив молодому дипломату с чистой душой продолжить дорогу в Рим.

Проезжая рядом с соборной площадью, странники увидели, как две девушки дали краюху хлеба продрогшему нищему. Незнакомки уже начали удаляться, наверняка направляясь домой, когда Тристан внезапно соскочил с коня и воскликнул им вслед:

«Алессандра!»

Та из них, что была более хрупкого телосложения, тотчас же обернулась, пытаясь разглядеть того, кто в такой неурочный час осмелился прокричать её имя, и, убедившись в том, что услышанный голос действительно принадлежал тому, чей образ, вынырнувший из ларца воспоминаний, возник в её воображении, отозвалась:

«Тристан!»

В тот же миг она ринулась ему навстречу и ничуть не заботясь об условностях и формальностях, предписываемых этикетом (что наводило на мысль, будто некогда их связывало нечто большее, чем простое знакомство), бросилась ему на шею, нежно закрыв глаза и прижимаясь к груди неожиданного чужеземца.

Прелестная Алессандра была дочерью госпожи Лукреции Бути и покойного флорентийского живописца Филиппо Липпи. Её мать, насильно отданная своей семьёй на постриг в монастырь Святой Катерины, некогда была монахиней и именовалась сестрой Лукрецией. Отец Алессандры, служивший капелланом всё в том же монастыре города Прато, уже при жизни почитался одним из лучших живописцев своего времени: недаром зачастую церковные иерархи и наиболее состоятельные семьи доверяли ему самые ответственные заказы: по большей части картины на библейские сюжеты или посвящённые сценам из жизни святых. Двое познакомились как раз в ходе работы над одним из подобных заказов. Возникшее между ними влечение было неизбежным и неудержимым... Она – изумительно красивая и сенсуальная, он – с его врождённым обаянием и чувствительностью... служители господни безумно полюбили друг друга. Какое-то время греховная связь продолжалась в священных монастырских стенах (в тот период сестра Лукреция охотно позировала Фра Филиппо в качестве модели для некоторых его картин), пока в один прекрасный день, во время крестного хода по случаю Положения честного Пояса Пресвятой Богородицы, маэстро не решил похитить свою возлюбленную, чтобы начать вместе с ней новую жизнь вне брачных уз, не заботясь о том, что такое скандальное решение произвело бы сенсацию и стало бы предметом всеобщего порицания. Разумеется, Церковь отнеслась крайне враждебно к их связи, заклеив её как порочную и ни больше ни меньше как дьявольскую. Лишь годы спустя, благодаря ходатайству Козимо де Медичи, покровителя Липпи, обратившегося за помощью к самому Папе Римскому, их доброе имя наконец-таки было восстановлено и многострадальные влюблённые были освобождены от обетов. А ещё через несколько лет родилась красавица Алессандра.

Тристан познакомился и сблизился с девушкой ещё подростком во время своего пребывания во Флоренции в качестве гостя семьи Медичи. Гораздо раньше, чем он успел обратить внимание на миловидные черты юной прелестницы, его поразили и, можно сказать, пленили широта её взглядов, общительность и независимость суждений – качества, бесспорно унаследованные от обоих родителей, от которых она глубоко усвоила *modus cogitandi et operandi*⁸.

Теперь же, по прошествии почти пяти лет, она стала ещё более очаровательной и женственной.

Двое вошли в дом, а спутники нашего героя остались ожидать на улице.

Едва успев рассказать хозяйке дома о том, что произошло несколько часов назад, Тристан в сопровождении своей подруги вновь появился на пороге, приглашая всех остальных пройти

⁸ – образ мышления и манеры поведения [лат.] (прим. перев.)

в дом. Алессандра, несмотря на поздний час, послала за врачом, приказала прислуге подготовить комнаты для гостей и великодушно пообещала Тристану, что вместе со своей матерью была готова позаботиться об обоих раненых до их полного выздоровления.

Тем временем, пока добрый бокал вина сопровождал застольные беседы желанного гостя и разжигал румянец на щеках грациозной радушной хозяйки, Гипнос со свитой Ониров бесшумно спускался на город Прато.

На следующий день, сразу же после заутрени, молодой визитёр со своим эскортом, поблагодарив как полагается старую знакомую за оказанное гостеприимство, продолжил свой путь в Рим – туда, где его ожидали заботливый покровитель и вместе с ним... новое интригующее поручение.

Необходимо было наверстать несколько потерянных часов, стараясь по возможности избежать других заминок.

Покинув городские стены и проскакав не более ста футов по пыльной дороге, ведущей во Флоренцию, трое подданных Папского государства едва ускорили шаг, как их нагнал всадник с перевязанным плечом, которое даже издали нельзя было не заметить.

«Господин... Господин... Умоляю Вас, остановитесь...»

Запыхавшийся голос принадлежал тому самому человеку, спасённому Тристаном от смерти и только что вверенному вместе с его спутницей заботам семьи Липпи. Папский чиновник вновь был вынужден остановиться.

«Заклинаю Вас, мой господин, выслушайте меня, – продолжил молящим голосом нежданный преследователь. – Ваш великодушный жест гораздо благороднее любого геральдического знака, украшающего Вашу грудь, и любой короны, венчающей герб Вашего рода».

Соскочив с коня, он бросился в ноги дипломату:

«Позвольте мне, в знак бесконечной признательности за то, что Вы спасли меня и мою возлюбленную от зверской жестокости этих живодёров, возместить хотя бы частично верною службою мой неоплатный долг перед Вашим Превосходительством. Всю ночь меня осаждали мысли о случившемся, и я принял решение: если Вы только того пожелаете, отныне мой меч будет защищать Вас беззаветно и бескорыстно. Клянусь покорно служить Вам верой и правдой, куда Вашей милости это будет угодно».

Будучи довольно высокопоставленным лицом, Тристан вовсе не испытывал недостатка в охране и, сказать по правде, до сих пор всегда умел постоять за себя сам... Однако увидев, как сияли глаза человека, обратившегося к нему почти с мольбой, и уловив в них искреннюю признательность, в которой сквозили на редкость проникновенные преданность и бескорыстие, молодой дипломат, не дав смиренному простолюдину возможности что-либо добавить, спросил:

«Как звать-то тебя, чертяка?»

«Пьетро Ди Джованни, мой господин», – ответил тот вскинув голову.

«Встань, Пьетро. Учитывая задержку в пути, чему ты стал причиной, увы, твоё заступничество вряд ли спасёт меня от гнева моего господина... Нет у меня ни именных гербов, ни родословной, которыми я мог бы щеголять, однако ценю твою благодарность и принимаю предложенные тобой услуги. А теперь, если ты и вправду того хочешь, садись в седло, пока я не передумал, и не мешкая поезжай с нами».

Таким образом, вся честная компания без промедления вновь помчалась в направлении Вечного Города.

IV

Перстень Лоренцо Великолепного

Джулиано де Медичи и Симонетта Веспуччи

Пьетро был уже вполне зрелым мужчиной, с суровой неухоженной внешностью, но, надо признать, не слишком одичалой. Он прекрасно управлялся с мечом (средства, оставленные в наследство его отцом, позволили ему посещать болонскую школу фехтования Липпо Бартоломео Дарди); владел великолепной техникой и, хотя он был уже отнюдь не мальчиком, отличался завидной физической подготовкой. Ему претило признавать себя наёмником, но, подобно многим, он зарабатывал себе на жизнь, участвуя (отнюдь не бескорыстно) на стороне того или иного господина во многочисленных сражениях и стычках, которые в те годы будоражили весь полуостров.

Во время путешествия, в один из тех моментов, когда наши путники продвигались более размеренным шагом, чтобы позволить коням восстановить силы, новый знакомец поравнялся с Тристаном и, сдерживая свою гнедую слегка позади скакуна его нового господина, выказывая таким образом почтение, осмелился спросить:

«Ваше Превосходительство, позволите ли мне задать один вопрос?»

«Разумеется, Пьетро, я слушаю тебя», – ответил высокопоставленный чиновник чуть повернув голову в сторону своего отважного подручного.

«Откуда у Вас, господин, этот перстень? Он и вправду принадлежит Лоренцо Великолепному?»

Тристан с лёгкой улыбкой на лице на какое-то мгновение помедлил с ответом, но вскоре, ничуть не сомневаясь в том, что мог запросто восстановить доверие человека, к которому питал уважение, пусть и будучи знакомым с ним всего лишь несколько дней, решил удовлетворить любопытство своего собеседника и начал повествование.

«Прошло вот уже семь лет, с тех пор как кардинал Орсини впервые взял меня с собой во Флоренцию, куда он отправился вместе с делегацией медиков, созданных специально для того, чтобы заняться лечением Его Глубокопочтенного Превосходительства, архиепископа Флоренции Ринальдо Орсини, слёгшего две недели назад и чьё состояние всё ещё не подавало никаких признаков улучшения. По приезде в город эскулап и его ученики – среди которых был мой друг Якопо – были немедленно препровождены к изголовью страждущего прелата, а кардинал повёз меня с собой в дом своей племянницы мадонны Клариче, супруги мессера Лоренцо де Медичи, прозванного Великолепным.

Я всё ещё помню тот ласковый материнский взгляд, с которым донна Клариче встретила меня, подав мне руку. Представила меня членам своей семьи и присутствовавшим друзьям и позаботилась о том, чтобы во время моего пребывания во дворце я ни в чём не испытывал нужды. Каждый вечер за ужином у неё собирались литераторы, профессора классической филологии, люди искусства, изысканные вельможи и, прежде всего, очаровательные женщины.

Самой красивой из всех – той, с кем ни одна из наших современниц до сих пор не может соперничать, не говоря о том, чтобы сместить её с воображаемого мной трона, – была Симонетта Каттанео Веспуччи».

В тот вечер, когда я увидел её впервые, на ней была подбитая красным бархатом парчовая джорнея⁹ с глубоким декольте, которая гармонично сочеталась с чёрной гамуррой¹⁰, плотно

⁹ Джорнея – предмет как мужской, так и женской верхней одежды с характерными разрезами по бокам, распростра-

облегавшей тугую грудь и ниспадавшей до пола, надёжно скрывая от посторонних глаз соблазнительные формы тела – предмет страсти и восхищения многочисленных поклонников. Распущенные белокурые волнистые волосы свободно струились по её плечам, и лишь некоторые пряди были искусно заплетены в длинную косу, украшенную тесёмками и крошечными жемчужинами. Несколько непослушных локонов обрамляли её удивительно гармоничное лицо – свежее, лучезарное, почти неземное. Большие грустные глаза излучали ту же необыкновенную чувственность, что и едва уловимая улыбка на её полураскрытых алых, как джорнея, бархатных губах, которые казались ещё более обольстительными благодаря маленькой ямочке на подбородке.

Если бы не прискорбное известие о её смерти, последовавшей вскоре после описываемых мною событий, я был бы до сих пор уверен в том, что это была богиня в женском облике – воплощение истинного совершенства.

Согласно всеобщему мнению, единственный её изъян заключался в том, что она... была замужем, и, вполне закономерно, супруг её был крайне ревнив. Немного спустя после того, как ей исполнилось шестнадцать лет, в своём родном городе Генуе, в присутствии дожа и всей аристократии морской республики, она обвенчалась с банкиром Марко Веспуччи.

В светском обществе Симонетта была объектом всеобщей любви (и в то же время зависти) и стала излюбленной музой многих литераторов и художников своего времени. Одним из них был Сандро Боттичелли – старинный друг семьи Медичи, – испытывавший к ней платоническую любовь и на протяжении вот уже нескольких лет воспроизводивший её образ везде и всюду. Её небесные черты украшали даже гонфалон¹¹, выполненный живописцем по случаю проводившегося в том знаменательном году рыцарского турнира и доблестно завоёванный Джулиано де Медичи.

На следующий день нас пригласили во дворец Кареджи на званый пир, устроенный Лоренцо Великолепным в честь семьи Борromeо с тайным намерением представить одну из наследниц этого аристократического рода своему брату Джулиано, который однако, подобно многим другим своим современникам, был безумно влюблён в Симонетту Каттанео. И правда, сразу же после первых дежурных приветствий, Джулиано покинул зал, в котором находились гости, и удалился в сад, где воспользовавшись отсутствием мужа, уехавшего ранним утром по неотложным делам, его ожидала жена банкира Веспуччи.

Блюда сменялись одно за другим, а тем временем синьор Лоренцо занимал своих гостей декламированием превосходных сонетов собственного сочинения. Время от времени кое-кто из его почтеннейших гостей вторил ему той или иной меткой рифмованной импровизацией, приятно оживляя праздничный банкет. Помимо знатных друзей и членов семьи, в застолье принимали участие уважаемые философы-неоплатоники Марсилио Фичино, Аньоло Амброджини и Пико делла Мирандола, а также ряд представителей Флорентийского Совета.

Невзирая на свой молодой возраст (всего лишь двадцать шесть лет), Лоренцо уже был признан главой самой богатой и влиятельной флорентийской семьи, и год за годом приобретал всё больший вес в качестве верховного арбитра в вопросах расстановки политических сил на полуострове. Нельзя не отметить его умение окружить себя молодыми придворными, происходившими из самых прославленных родов и отличавшимися к тому же здравомыслием и незаурядными способностями. С первых же дней нашего знакомства этот человек стал для меня примером для подражания, воплощением лучших человеческих достоинств, идеалом, к которому необходимо было стремиться. По объективным причинам, существенным и непре-

нённый в Италии в XIV-XV веках. (Прим. перев.)

¹⁰ Гамурра – длинное до пола, чаще всего зимнее женское платье со съёмными рукавами и довольно узким лифом, застёгивавшееся либо спереди при помощи пуговиц, либо на шнуровке сбоку или на спине. (Прим. перев.)

¹¹ Гонфалон – геральдический флаг прямоугольной формы, всегда заканчивающийся несколькими лентами, вымпелами или полосами. (Прим.перев.)

одолимым различием между нами – помимо разницы в возрасте, составлявшей одиннадцать лет, – было то, что он мог рассчитывать на поддержку своей крепкой и сплочённой семьи. Мать Лоренцо, донна Лукреция, всегда (и в особенности после смерти своего мужа Пьеро) была единомышленницей и советчицей своего сына. Бьянка, милая и нежно любимая им сестра, просто обожала своего старшего брата и не упускала малейшей возможности расточать похвалы в его адрес; каждый раз, когда она на людях произносила его имя, у неё так и светились глаза. Джулиано – непутёвый младший брат, – несмотря на свои непочтительные выходки и мелкие размолвки с Лоренцо был тоже всегда рядом, разделяя его успехи и поражения на политическом поприще. Клариче, даже узнав о супружеских изменах, продолжала преданно любить своего мужа и поддерживала бы его, пойдя наперекор всем и всякому и, если бы это понадобилось, против собственной родни. Было отрадно чувствовать себя свидетелем того, как весь город, с галантным смирением и почтением, стягивался сюда, к этой семье, по случаю любого праздника, торжества или богатого застолья. В тот памятный вечер мне посчастливилось присутствовать на одном из подобных пиршеств...

Прежде чем придворный кондитер торжественно вступил в зал, сопровождая своё творение яркими сценическими эффектами, я услышал лай собаки, доносившийся со двора, и, повинуясь инстинкту, решил выяснить, к чему это преданное животное хотело привлечь внимание своих хозяев. В глубине сада к моему великому удивлению я обнаружил катавшихся по земле Джулиано и Симонетту, чьи руки и ноги, казалось, не желали подчиняться их воле: супруга Веспуччи, с лиловым лицом и широко распахнутыми глазами и ртом, дрожала, как осенний лист, а её возлюбленный пытался сорвать с себя одежду, то закатываясь судорожным смехом, то отдаваясь во власть галлюцинаций... Без лишних колебаний я поспешил вернуться в дом и, воспользовавшись небольшой паузой в застолье, с предельной осмотрительностью попросил синьора Лоренцо последовать за мной.

Прибежав на место происшествия, мы увидели два бездыханных тела. Лоренцо велел мне тотчас же позвать лекаря. Тщетны были попытки привести младшего брата в чувства, встряхивая его изо всех сил за плечи: Джулиано не реагировал ни на толчки, ни на оклики Лоренцо. Вскоре у него начались судороги.

Ситуация становилась всё более драматичной и щекотливой. В несколько мгновений тревога и замешательство, изобразившиеся первоначально на лице Лоренцо Великолепного, уступили место выражению паники и чувства полного бессилия. Несмотря на безумное желание обратиться за помощью к любому из тех, кто в тот момент находился в доме, он прекрасно осознавал, что дать огласку тому, что двое молодых людей обнаружены в его саду в подобном состоянии, означало не только спровоцировать огромный скандал: для самого Лоренцо и для его семьи это было чревато утратой важной политической поддержки Марко Веспуччи, чей голос был решающим в Совете Флоренции, чтобы противостоять проидам семьи Пацци (вне сомнения, представитель этого знатного рода, Якопо де Пацци, не преминул бы воспользоваться удобным случаем, чтобы взять контроль над городом).

Даже присутствие доктора и аптекаря, примчавшихся на место в считанные минуты, нисколько не успокоило Лоренцо, который продолжал выспрашивать у меня подробности увиденного мной до его прибытия. И в самом деле, несмотря на то, что великие врачеватели с самого начала выдвинули гипотезу о вероятном отравлении, им никак не удавалось установить, о каком веществе могла идти речь, и, следовательно, подобрать подходящее противоядие. Тем временем к месту происшествия подоспел Аньоло Амброджини – единственный человек (за исключением матери), которому Лоренцо безоговорочно доверял. Ему было поручено выдумать подобающий предлог, чтобы оправдать в глазах гостей странное отсутствие хозяина дома, которое, разумеется, не могло остаться незамеченным. Аньоло помог нам быстро и втайне от посторонних глаз перенести тела в ближайшее убежище.

Именно тогда я и обратил внимание на небольшую корзину с яблоками и лесными ягодами, стоявшую неподалёку от места, где незадолго до этого лежало тело Симонетты. На первый взгляд, содержимое корзины было совершенно съедобным и безвредным. Взяв из неё ягоду черники, я раздавил её двумя пальцами... и вдруг вспомнил, как несколько месяцев назад, в Риме, Якопо показал мне очень опасное ядовитое растение под названием «белладонна», которое нередко именовали «сатанинской черешней». Её плоды уже в малых количествах вызывали смертельное отравление, и их можно было запросто спутать с ягодами обычной черники. Настойка из листьев белладонны часто использовалась молодыми женщинами для того, чтобы расширить зрачки, сделав таким образом взгляд более лучистым и обольстительным. Моя версия была расценена медиком как вполне вероятная: её подтверждал тот факт, что у обоих несчастных наблюдались синеватые пятна на губах. Однако, если это предположение и было верным, то по словам лекаря, не существовало никакого действенного противоядия. Эта сентенция многоуважаемого учёного мужа, повергла хозяина дома в отчаяние, граничившее с безысходностью.

О том, как в действительности развернулись события, нам удалось выяснить спустя несколько дней: некто, по указанию Франческо де Пацци, намеренно подменил чернику в той самой корзине с фруктами, поместив туда ягоды белладонны, которые впоследствии синьора Веспуччи отведала вместе со своим возлюбленным. Джулиано отравился во время амурных забав с красавицей Симонеттой, извлекая губами ядовитые ягоды прямо из её уст. Несколько минут хватило для того, чтобы сильнейший яд начал своё действие.

Всё ещё ошеломлённый тем, что произошло в такой короткий промежуток времени, я осмелился вмешаться повторно и предложил мессеру Лоренцо сделать последнюю отчаянную попытку спасти несчастных, обратившись за помощью к делегации папских врачей, любезно принятых епископом диоцеза. Лишь взяв с меня обещание действовать с соблюдением строжайшей конфиденциальности, Лоренцо Великолепный дал своё согласие на то, чтобы я помчался за Якопо и как можно скорее привёл его на место происшествия. Мой друг бенедиктинец тщательно обследовал обнаруженные плоды и дал агонизировавшим любовникам по несколько капель противоядия, привезённого ему кем-то из неведомых африканских земель. Прошло около часа, и симптомы отравления утихли, температура тела начала снижаться и спустя восемь дней... молодые люди были уже совершенно здоровы.

Вместе со зловещей Атропой удалось отогнать также любые подозрения, которые могли возникнуть в доме Медичи и вне его стен. И в самом деле, вернувшись во Флоренцию вместе со своими помощниками, Марко Веспуччи так ни о чём и не догадался. Всё было как и прежде, за исключением кое-каких деталей: он стал ещё богаче, Симонетта – ещё прелестнее, Джулиано – ещё более влюблённым, а, самое главное, Флоренция – ещё более приверженной семье Медичи.

Даже здоровье архиепископа, казалось, шло постепенно на поправку, так что наша делегация со дня на день собиралась покинуть Флоренцию, чтобы вернуться в Рим. Однако до нашего отъезда Лоренцо Великолепный, в знак особого расположения и признательности, решил пожаловать мне то, что, по всеобщему мнению, было одной из самых престижных наград в республике: золотой перстень с изображёнными на нём шестью сферами, служивший универсальным пропуском не только в любой части Флоренции, но и за её пределами.

С тех пор я повсюду ношу его с собой, как драгоценное доказательство наших дружеских отношений и вечное напоминание о двух несчастных влюблённых, которые, подобно Парису и Елене, не раз рисковали превратить Флоренцию в легендарный Илион.

Во время повествования Пьетро, заворожённый неординарностью фактов, красноречием рассказчика и избытком подробностей, не отважился проронить ни единого слова.

Выслушав счастливую развязку, он благоговейно выждал несколько секунд, чтобы не осквернить услышанную им невероятную историю, и, прижав руку к своему плотно перевязанному плечу, с гордостью сказал наконец:

«Благодарю Вас, господин. Служить Вам будет для меня не только большой честью, но и величайшей радостью».

Ещё через два дня, проведённых в пути, Кассиева дорога раскрыла перед ними несравненное величие Рима, и, несмотря на усталость путников и их коней, этого зрелища было достаточно, чтобы вернуть каждому из них бодрость духа и физическую силу. Тристан прищепил коня, заставив его ускорить шаг.

V Графиня Форли

Джироламо Риарио и Катерина Сфорца

Вопреки ожиданиям, в апартаментах протонотария его встретил не Джованни Баттиста, а пухлый клирик, который учтиво посоветовал ему без промедления направиться в собор Святого Петра, где в тот момент и находился монсеньор Орсини, вызванный туда в срочном порядке самим Папой Римским. Там, перед надгробным памятником Роберто Малатеста – героя сражения под Кампоморто – Тристан застал их обоих в самом разгаре важного совещания.

Рядом с Сикстом IV стоял его племянник, зловеющий капитан-генерал Святой Римской Церкви Джироламо Риарио, который был уже известен Тристану как один из главных зачинщиков неудавшегося Флорентийского заговора против его друзей Лоренцо и Джулиано де Медичи – события четырёхлетней давности, которое последнему из них стоило жизни.

Не сумев завладеть Флоренцией и потерпев фиаско в попытке завоевать Урбино, ненасытный Риарио не удовольствовался пожалованными ему его дядей титулами правителя Имолы и Форли и жаждал подчинить себе Феррару, но теперь его амбициозные замыслы, казалось, были обречены на провал.

Венецианская республика, как уже упоминалось ранее, оставалась глухой к предостережениям монарха Святого Престола и его угрозам предать Венецию анафеме; более того, отозвав своих послов из Рима, с каждым днём она вела себя всё более агрессивно на границе с Миланским герцогством и в отношении подконтрольных Папскому государству территорий Романьи. Именно это и было для папы Сикста IV поводом для чрезвычайного беспокойства.

Пока не стало слишком поздно, было решено разыграть арагонскую карту, а именно: направить Тристана в Неаполь к королю Фердинанду, чтобы попытаться убедить его принять во внимание исход битвы под Кампоморто и заключить новый альянс (в который вошли бы также Флоренция и Милан) против Светлейшей Республики Венеции. По правде говоря, это решение было встречено Джованни Баттиста без особого энтузиазма – апостольский протонотарий предлагал отдать предпочтение прямым переговорам с дожем, – однако столкнувшись с непоколебимостью намерений главы Католической церкви, ему не оставалось ничего иного, как сделать хорошую мину при плохой игре, выразив свою готовность выполнить высочайшее поручение.

Несомненно, принятое решение пришлось особо по душе Джироламо, пробудив в нём надежду войти таким образом в число триумфаторов и наконец-таки прибрать к рукам Феррару – город, которым правила семья д'Эсте. Прежде чем Папа успел попрощаться с присутствующими, Риарио обратился к протонотарию и его доверенному:

«Монсеньор Орсини, не будете ли так любезны Вы, Ваше Преподобие, и Вы, наш достойный посол, принять приглашение на скромный банкет, приуроченный к началу рождественских празднований, который я и моя супруга даём завтра вечером в моём дворце на площади Святого Аполлинария?»

Джованни Баттиста благосклонно дал своё согласие, вежливо поблагодарив за оказанную честь.

Тристан в присутствии главнокомандующего папской армией намеренно воздержался от ответа, однако по окончании совещания, покинув место встречи, поддался доводам своего покровителя в пользу того, чтобы отложив в сторону всякие недомолвки принять приглаше-

ние. Спускаясь по монументальной лестнице собора Святого Петра, монсеньор Орсини наказал ему:

«Завтра утром, часу в третьем¹², я буду ждать тебя в моём личном кабинете, чтобы обстоятельно поговорить о результатах твоей миссии в Мантуе, но прежде поторопись послать Риарио подтверждение о том, что не преминёшь явиться к нему на ужин. Ты был бы вправе отклонить приглашение племянника Папы Римского, но никак не сына Его Святейшества!»

Сказав это, он не раздумывая вскочил в карету и исчез в лабиринте многочисленных городских улиц.

Молодой дипломат едва держался на ногах от усталости, а услышав последнее откровение и вовсе потерял дар речи. Свернул в первую попавшуюся на дороге харчевню и, наскоро перекусив, отправил Пьетро с двумя лошадьми найти себе ночлег на каком-нибудь постоялом дворе, а сам, пока солнце катилось за горизонт, направился домой пешком.

Но и дома его ожидал очередной сюрприз: неожиданности в тот день, казалось, и не думали заканчиваться...

Уже с улицы он приметил слабое мерцание свечи, осветившей на какое-то мгновение верхний этаж здания.

Схватившись за рукоять меча, Тристан осторожно поднялся наверх и вновь увидел такой же слабый свет, исходивший на этот раз из спальни... Вскоре его внимание привлекла более яркая вспышка и сияние третьей свечи...

«Кто здесь?» – спросил он, снимая шпагу со щита, подвешенного на стене. «Немедленно выходи!» – и пинком ноги он распахнул уже слегка приоткрытую дверь комнаты.

Неожиданный взрыв дерзкого смеха разрядил обстановку, и перед его глазами вырисовались округлые очертания женского силуэта так хорошо ему знакомого... Это была Вероника.

«Расскажи мне, о мой герой, о твоих похождениях. Я так и сгораю от нетерпения услышать твой голос», – прошептала его верная наперсница и непревзойдённая любовница.

«Не больше, чем я жажду сжать тебя в моих объятьях, моя дорогая», – отозвался Тристан, кладя оружие на кресло, на котором уже удобно разместились кринолин и панталоны молодой блудницы, и, не обращая внимания на соскользнувшую с его плеч на пол ультрамариновую накидку, решительно шагнул ей навстречу.

Она улыбнулась, поднесла к губам указательный палец, и, встряхнув головой, всколыхнула густую копну кудрявых волос. Он снял с себя рубашку и, подтолкнув Веронику к постели, добавил:

«Тебе придётся потрудиться, чтобы услышать рассказ твоего героя...»

Затем последовали задорные смешки и привычные для обоих любовные игры... и усталость как рукой сняло.

На следующий день, восстановив силы и забрав из мастерской Людовико элегантнейшее платье, заказанное ещё перед поездкой в Мантую, молодой дипломат скрепя сердце отправился на званый ужин к Риарио.

Совсем недавно отстроенный дворец, возведённый на развалинах древнего храма Аполлона, был восхитителен. Сооружённый согласно проекту художника из Форли, маэстро Мелоццо ди Джулиано дельи Амбрози, он должен был утолить жажду величия Джироламо и воздать должное изысканному вкусу его молодой очаровательной жены, Катерины Сфорца, – внебрачной дочери покойного герцога Милана, Галеаццо, и его любовницы, Лукреции Ландриани.

Несмотря на леденящий воздух, казалось, так и пробиравший насквозь в тот вечер, милая и очень общительная хозяйка дома, вместе со своим супругом, который был на двадцать лет

¹² – имеется в виду третий час согласно Литургии часов, т. е. девять часов утра. (Прим. перев.)

старше неё, принимала многоуважаемых гостей, в удивительно красивом патио¹³. Длинная облегающая гамурра с пикантной отделкой из чёрных кружев эффектно контрастировала с бледной кожей госпожи Риарио. Платье со шнуровкой на спине дополняли съёмные расшитые золотой нитью рукава, собранные из отдельных деталей, искусно выкроенных из разных тканей и соединённых между собой при помощи тесёмок. Из многочисленных прорезей на рукавах выступала белоснежная рубашка. Волосы были стянуты тончайшей вуалью, усыпанной жемчужинами и изящными золотыми шпильками в форме цветков.

Как полагается по этикету, уступив супруге честь первой поприветствовать желанного гостя, Риарио с приторной угодливостью представил его хозяйке дома:

«Его Превосходительство Тристан де Джинни, приближённый Его Святейшества Папы Римского, пользующийся его всецелым доверием и благосклонностью», – будто желая подчеркнуть, что именно от этого человека зависел успех предстоящего предприятия и, следовательно, участь его семьи.

«Несравненная слава Вас опережает, милостивый государь», – высокопарно подхватила Катерина, обращаясь к красавцу визитёру.

«Несравненной я бы назвал виртуозную технику литья по восковой модели и гравировку французских мастеров, изготовивших Вашу великолепную подвеску, моя госпожа», – с готовностью отозвался молодой дипломат, задержав пристальный взгляд на её длинной шее. Скользя взглядом чуть выше, он встретил её глаза – глубокие, полные гордого сознания принадлежности к роду прославленных воителей, но в то же время грустные и смиренные – зеркало неутолённой многострадальной души, так часто скрывающейся под маской показной радости.

Эти глаза буквально околдовали Тристана, взгляд его был к ним прикован в течение всего вечера, и, воспользовавшись временным отсутствием в банкетном зале её мужа, занятого разговором с кардиналами и политическими интриганами, он осмелился пригласить хозяйку дома на бас-данс¹⁴.

Ещё до замужества, живя в Милане, Катерина предавалась занятиям, признанными неподобающими для представительниц женского пола и тем более её ранга: она была умелой охотницей, всерьёз увлекалась оружием, ей нравилось заниматься экспериментами в области ботаники и алхимии. Была склонна к авторитарности – качество, вероятно, унаследованное ею от своей матери. Отважная и безрассудная душа, она ценила дерзость и бесстрашие в других людях.

Чувствуя себя в центре всеобщего внимания, она тем не менее не смогла отклонить приглашение Тристана.

«Обожаю произведения древнегреческих скульпторов Поликлета и Фидия. А Вы что о них думаете, моя госпожа?» – спросил у неё Тристан в тот момент, когда фигуры танца позволили его губам приблизиться к её уху.

«О, да, они божественны. Я тоже преклоняюсь перед их совершенством», – ответила с улыбкой Катерина.

«Видели ли Вы коллекцию шедевров искусства во дворце Орсини? В ней есть ряд обнажённых мраморных изваяний, которым нет цены», – добавил отважный кавалер.

«О!» – воскликнула дама с притворным удивлением и столь же наигранным смущением. «Могу себе представить... Вы тоже, мессер, непременно должны увидеть картины кисти Мелоццо, которые я ревностно храню в моём дворце», – продолжила она с нескрываемым сладострастием, прежде чем их разлучила мерная поступь музыки.

¹³ – открытый внутренний двор жилого помещения, с разных сторон окружённый стенами, галереями, воротами, решёткой и т. д. или же зелёной изгородью из деревьев и/или кустарников). (Прим. перев.)

¹⁴ – придворный танец в умеренном темпе, распространённый во Франции, Италии (итал. *bassa danza*, *bassadanza*), Бургундских Нидерландах во второй половине XV и в XVI веках (первое упоминание в 1320). (Прим. перев.)

Оставшуюся часть вечера грациозная хозяйка дома всячески игнорировала знаки внимания молодого соблазнителя, который, наоборот, не видел и не слышал ничего иного, кроме белизны и запаха её тела, к которому он только что едва прикоснулся.

Наконец, ужин благополучно окончился, и гости один за другим покинули банкетный зал.

Тристан был уже во дворе дома, когда его догнал один из пажей, державший в руке аккуратно сложенную записку...

«Работы Мелоццо находятся в лоджии, на бельэтаже.»

И точно так же, как он не смог отклонить приглашение сына самого Папы, он был не в силах отвергнуть предложение его многоуважаемой снохи. Тристан вернулся в дом и поднялся вслед за юным слугой на верхний этаж – туда, где после непродолжительного, но томительного ожидания, наконец-таки смог высвободить из-под вуали длинные белокурые волосы и вкусить сладость пунцовых губ – огненно-красных, как и раны её души, измученной от многочисленных перенесённых страданий.

Катерина была сложной натурой... и, скажем к слову, опытному соблазнителю удаётся лучше всего оценить многогранность личности женщины в двух довольно специфических ситуациях: за игорным столом и на любовном ложе.

До самой зари она была неутомима, даже когда, вся в слезах, поведала Тристану о насилии, которому она подвергалась с детских лет.

«Есть такие секреты, о которых можно рассказать только постороннему человеку», – молвила Катерина, прежде чем начать своё трогательное повествование.

«Не я была помолвлена с Джироламо Риарио: по уговору между нашими семьями, вступить в брачный союз с этим извергом перед лицом Господа нашего и перед людьми должна была моя кузина Костанца, которая в те времена была одиннадцатилетней девочкой. Однако незадолго до свадьбы моя тётя, Габриэлла Гонзага, потребовала, чтобы интимные отношения между будущими супругами начались не ранее, чем через три года, когда маленькая Костанца достигла бы возраста, предусмотренного для подобных случаев законом. Услышав о таких претензиях, Джироламо пришёл в бешенство, отменил свадьбу и пригрозил ужасными последствиями для всей семьи за нанесённое ему тяжкое оскорбление. Случилось так, как это бывает с перстнем, в котором треснул драгоценный камень: мои родственники заменили мной отвергнутую кузину, уступив всем требованиям деспотичного жениха. А было мне тогда десять лет».

Тристан, потрясённый услышанным, не знал что и ответить: он лишь обнял крепко Катерину и с нежностью утёр слёзы, катившиеся по её щекам.

VI Осада Отранто

Ахмед-паша и антитурецкий альянс

Как и было условлено, через несколько дней, когда наконец были улажены последние детали, неутомимый уполномоченный Папского Престола выехал в Неаполь.

Сопровождал его в этой секретной миссии храбрый Пьетро, который к тому времени уже успел оправиться и восстановить силы и так и горел желанием увидеть город Партенопы, о котором ещё в детстве слышал много рассказов от своего отца.

Что же касается Тристана, то для него поездка к подножию Везувия была вовсе не в новинку, и, уступив настойчивым просьбам своего конюшего, чтобы скоротать путь, он принялся рассказывать о событиях почти трёхлетней давности.

«Я тогда был взволнован и полон любопытства не меньше, чем ты сегодня. Подумай только: до того момента я видел Неаполь лишь на старинной карте, начертанной монахами бенедиктинцами. Однажды мой покойный дед разыскал её среди ветхих бумаг, чтобы показать мне, где находился двор, при котором служила моя мать в юности. Приехав в Неаполь, я направился в бесподобную по своей красоте королевскую капеллу, чтобы встретиться там с отцом Роберто, моим учителем и духовным наставником, известным как Фра Роберто Караччоло да Лечче. Вместе мы поспешили к королю Фердинанду Арагонскому, чтобы предупредить его о нависшей над восточным побережьем угрозе вторжения турков.

Дело в том, что незадолго до этого Великий Магистр рыцарского ордена Госпитальеров в своём письме, пронизанном нескрываемой тревогой, предупредил папу о попытках Венецианской республики подтолкнуть султана Османской империи направить военную экспедицию на Итальянский полуостров против Неаполитанского королевства. Эта новость, разумеется, стала серьёзным предлогом для неопишуемого беспокойства не только в стане арагонцев, но и во всём христианском мире.

Тем не менее, Ферранте (именно так подданные окрестили своего короля Фердинанда), не только остался глух к предостережениям относительно турецкой угрозы. Более того, в скором времени, совершенно легкомысленно отдал приказ о переброске двухсот пехотинцев из Отранто на север, чтобы задействовать их против Флоренции.

Таким образом, флот великого визиря Гедика Ахмед-паши, после неудавшейся попытки вырвать из-под контроля рыцарей Святого Иоанна остров Роды, совершенно беспрепятственно высадился на побережье близ города Бриндизи с намерением двинуться на Отранто. Не раздумывая, Ахмед-паша направил своего доверенного в белокаменный город, чтобы заверить его жителей в том, что в обмен на безоговорочную капитуляцию им будет сохранена жизнь. Однако обитатели Отранто не только отвергли выставленные условия, но и опрометчиво убили турецкого посланца, приведя таким образом в ярость свирепого Ахмед-пашу.

Летом турки, подобно жаждущим крови хищникам, ворвались в город и в считанные минуты истребили всех тех, кто каким-либо образом попытался им воспротивиться.

Кафедральный собор стал последним прибежищем для охваченных ужасом женщин, детей, стариков, увечных и простых мирных жителей, последним бастионом, в котором они укрылись в тот момент, когда все твердыни уже пали перед натиском врага. Мужчины укрепляли двери храма, женщины, прижав к груди своих малышей и выстроившись в вереницу вдоль Древа жизни в ожидании собственной участи, молили священников о предсмертном причастии... и, подобно первым христианам, обращались к Господу в скорбных песнопениях, пред-

вкушая близость мученической смерти. Турецкая конница вышибла входную дверь собора, и стая демонов вломилась в храм, бешено набросившись на толпу не разбирая где млад, где стар. Напрасно архиепископ взывал к иноверцам, требуя от них остановиться: его голос утонул в чудовищном гвалте, и вместе со своими собратьями прелат был обезглавлен, став одной из многочисленных жертв этой зверской расправы. В плену слепой остервенелой ярости захватчики не пожалели ни женщин, ни детей. Знатные дамы были ограблены и варварски раздеты, над самыми молодыми изуверы неоднократно надругались в присутствии их отцов и мужей... Прежде чем убить их, у несчастных женщин растоптали честь и достоинство, погубили их душу. Вырвавшись из храма, волна лютого насилия захлестнула весь город. Казалось поначалу, что 800 человек сумели спастись, спрятавшись на одном из прилежащих холмов, однако вскоре настигнутые янычарами османского султана все они погибли под ударами турецких ятаганов. Почти всё мирное население было беспощадно уничтожено: к концу дня от пяти тысяч горожан в живых осталось лишь несколько десятков душ, уцелевших в обмен на принятие Ислама и уплату внушительной суммы в триста золотых дукатов.

Лишь когда леденящие душу новости об этих событиях донеслись до королевского двора, Ферранте осознал, что допустил роковую ошибку, недооценив серьёзность угрозы, и решил доверить своему сыну Альфонсу отвоевать у захватчиков отторгнутые земли.

С отеческой заботливостью монарх Святого Престола разослал во все итальянские княжества послания с призывом оставить в стороне междоусобные раздоры и объединить усилия против общего врага в лице Османской империи, посулив полную индульгенцию каждому, кто вступил бы в христианскую коалицию. Учитывая драматизм и критичность сложившейся ситуации, Римская курия выделила 100000 дукатов на создание флота из 25 галер и снаряжение 4000 пехотинцев.

Помимо неаполитанского короля, на призыв Сикста IV отозвались венгерский монарх, герцоги Милана и Феррары, а также правители Генуэзской и Флорентийской республик. Как и следовало ожидать, никакой поддержки не поступило из Венеции, которая лишь годом раньше подписала мирный договор с турками и не могла позволить себе вновь закрыть торговые пути сообщения с восточными странами.

Несмотря на запоздалый, но довольно масштабный ответ христианской коалиции, османы не только смогли удержать контроль над Отранто с прилежащими к нему землями, частью области Бари и Базиликаты, но были готовы двинуть войска на север, в сторону Капитанаты, и на запад, в направлении Неаполя.

Лишь благодаря деятельности наших секретных агентов удалось перехватить в Анатолии депешу Мехмеда II. Содержание документа было надлежащим образом видоизменено, и, будучи вновь запечатанным как ни в чём не бывало, письмо было доставлено нашим лазутчиком Ахмед-паше. Турецкий полководец попался на удочку и, погрузившись на корабли вместе с 2/3 своего войска, покинул Отранто и направился во Влёру. В открытом море он попал в окружение, подготовленное флотилией христианской коалиции, и, наконец-таки, после долгих месяцев военных успехов и побед, потерпел столь сокрушительное поражение, что был вынужден спастись бегством на маленьком судне, взяв курс на Албанию.

Весть о победе в морском сражении, а главное о позорном побеге командующего армией оттоманов, подняла дух неаполитанцев и их союзников... Герцог Альфонс сумел набрать довольно большое наёмное войско, которое должны были поддержать и другие католические княжества, поверившие, наконец, в осуществимость плана отвоевать у захватчиков Отранто и Апулию. Испания направила для этого 20 кораблей, из Венгрии прибыло 500 отборных солдат.

Началась одна из самых грандиозных в истории морских блокад: осада Отранто.»

Тем временем кони наших героев заметно подустали: нужно было напоить их и дать им отдохнуть. Тристан поглядел по сторонам и прервал своё эпическое повествование.

Как всегда, замороженный историей Пьетро, казалось, онемел, подобно подростку, которому в первый раз случается слышать поэмы Гомера или Вергилия.

«А дальше? Что случилось потом? Как закончилась эта история, мой господин?»

«Ну что же, развязка этой истории – событие совсем недавнего прошлого: после смерти Мехмеда II новый султан по сути запретил Ахмед-паше возвращаться в Италию. В конце прошлого года, обессиленные от голода и жажды и измученные чумой османы объявили капитуляцию, и арагонцы в итоге взяли контроль над городом. Ходят слухи, что злосчастный турецкий полководец был брошен в темницу, где находится и по сей день, кто-то даже утверждает, что он был казнён самими турками в Эдирне. “*O quam cito transit gloria mundi*”¹⁵», – заключил Тристан.

«Что Вы сказали, Ваше Превосходительство?»

«Ничего, Пьетро, ничего. Давай-ка теперь поторопимся. Нас ожидает пышное лоно сирены Партенопы ...»

И, подстегнув своего скакуна, заставил его ускорить шаг, увлекая за собой совершенно сбитого с толку Пьетро.

¹⁵ *О, как скоро проходит слава мирская (лат). (Прим. перев.)*

VII

Дон Ферранте и неаполитанские загадки

Засада и... служанка

Два дня спустя двое прибыли в солнечную бурлившую суматохой столицу и сразу же погрузились в суету пёстрого базара, где в изобилии было всё, что только можно было вообразить себе в самых необузданных фантазиях: фрукты и мебель, рыба и пеньковые канаты, музыка и скульптуры, сладости и домашний скот, священные реликвии и... публичные женщины.

«Каждый, кто решил посетить Неаполь, должен быть готов познакомиться хотя бы с тремя местными божествами: паста, моцца¹⁶ и струффоли¹⁷», – лукаво подмигнул своему спутнику Тристан.

«Надеюсь вскорости с ними повидаться, господин», – с готовностью отозвался Пьетро.

Оставив лошадей в маленькой тесной конюшне постоялого двора, наши герои пешком устремились в лабиринт улочек и переулков, замысловато переплетавшихся между собой, образуя причудливое кружевное полотно хаотичной городской планировки.

Но очень скоро наши чужестранцы заметили за собой слежку. Они попытались смешаться с толпой, скрываясь под навесами лотков и пробиваясь среди назойливых торговцев, однако настырно следовавший за ними гнусный субъект, казалось, чувствовал себя в ярмарочной кутерьме как рыба в воде, и ему не составляло особого труда идти за ними по пятам. Тогда Пьетро решил встретиться с ним лицом к лицу; молча обменявшись взглядом с Тристаном, он дал ему возможность свернуть в узкий проулок, и как только незнакомец вынырнул из-за угла, выхватил из ножен меч с намерением охладить усердие своего преследователя.

Внезапно на месте появились два других молодчика, к тому же вооружённые до зубов.

С глумливой усмешкой на лице они грозно приближались, подавшись вперёд всем телом и изогнувшись подобно рыси, готовой наброситься на свою добычу. Сделав несколько шагов по кругу с целью изучить противника, соперники вступили в схватку. Бандит в темном бонете¹⁸ с пером отбил пару ударов Пьетро – справа и сверху – и чуть не застал его врасплох своим неожиданным выпадом, метившим в живот, от которого Пьетро едва увернулся отскочив назад. Второй негодяй, одетый в дублет¹⁹ более яркой окраски, развернулся в сторону Тристана и поднял к небу меч с эффектным восьмигранным эфесом, украшенным богатой инкрустацией из лазурита, как бы приглашая его последовать своему примеру. Мгновение спустя его клинок звонко ударился о чинкуэдею²⁰ молодого подданного Папского государства, который с готовностью успел отразить выпад неприятеля и перейти в контратаку, пустив в ход клинок и пнув противника ногой в бедро. Тем временем, третий бандит, с полосатым гульфиком на штанах, выхватил

¹⁶ разновидность свежего сыра (прим. перев.)

¹⁷ традиционный десерт неаполитанской кухни (прим. перев.)

¹⁸ – мягкий мужской головной убор без полей, распространённый в эпоху Возрождения. (Прим. перев.)

¹⁹ – предмет мужской верхней одежды, распространённый в Западной Европе в период с 1330-х годов по 1660-е – 70-е годы. Представлял собой нечто вроде куртки из полотна или шерстяной ткани на подкладке, которая носилась поверх рубашки. (Прим. перев.)

²⁰ – короткий меч с клинком длиной 480 – 560 мм и широким – в пять пальцев – основанием, впервые появившийся в XV веке в северо-восточной Италии (Венеция, Феррара) и получивший распространение в эпоху Возрождения по всему полуострову. (Прим. перев.)

эсток²¹ и поспешил на помощь первому из своих дружков, чтобы сменить его в поединке против искусного фехтовальщика, каким был Пьетро ди Джованни. Разбойник замахнулся, намереваясь нанести ему удар ребром меча, но Пьетро упредил его жест, пригнув эсток остриём к земле, и, прочертив в воздухе широкую дугу, сделал ответный выпад, заставив противника отступить.

Атмосфера накалялась, в воздухе раздавался скрежет клинков и эфесов, от ударявшихся мечей разлетались брызги искр, а тем временем участники стычки незаметно для самих себя проникали всё глубже и глубже в полутёмные трущобы старого города.

Улучив момент, Пьетро сделал ловкий финт, отступив назад, потом шагнул слегка вперёд, угрожая противнику очередным выпадом, и после недолгих колебаний решительно бросился в атаку: с молниеносной скоростью он взмахнул мечом и виртуозным жестом рассёк воздух справа налево, вынудив головореза отвести руку в сторону, опрометчиво оставив корпус без защиты; в следующее мгновение Пьетро удалось нейтрализовать неприятеля, пустив в ход баклер²², и нанести роковой удар, проткнув ему грудь.

Что же касается Тристана, то он оказался в весьма затруднительном положении, столкнувшись с поистине искушённым противником, который, как обнаружилось, был левшой и с необычайной проворностью атаковал слева и справа, мастерски владел техникой пируэта и стремительно менял ритм боя и позицию, готовый в любой момент воспользоваться оплошностью в защите папского дипломата, ослабевавшей с каждой минутой. Пьетро всем сердцем желал прийти к нему на выручку, однако и его соперник оказался довольно крепким орешком, от которого не так-то просто было отделаться.

Неожиданно на голову неаполитанцев как будто с неба свалились два белых покрывала с лоскутными заплатками и тяжёлой свинцовой окантовкой, в которых оба бандита на какое-то мгновение запутались словно в охотничьей сети. Казалось, по воле Провидения, внимание Тристана и его сподручного привлёк пронзительный свист уличного мальчишки, указавшего им отходной путь, и, когда головорезы сумели высвободиться из своей ловушки и были готовы продолжить преследование, низкая неказистая дверца, ведущая в подземный погреб, уже поглотила наших чужестранцев, позволив им почувствовать себя хотя бы ненадолго в надёжном укрытии.

Когда опасность миновала, они смогли наконец вынырнуть в переулок, который тем временем слегка оживился благодаря присутствию нескольких оборванцев, но им не удалось ни увидеть, ни отблагодарить уличных проказников, которым по всей вероятности они были обязаны жизнью: сорванцы бесследно исчезли, как, впрочем, и мошна с деньгами, которую простодушный Пьетро носил подвешенной к поясу.

В конце концов, после невольно сорвавшихся с уст вполне оправданных в данной ситуации ругательств, двое разразились безудержным залиvistым смехом и уже в полном разгаре дня прибыли в замок Каstell-Нуово.

Там они были приняты с большими почестями самим пожилым монархом, который несмотря на вражду с папой римским, питал к Тристану чувство особой признательности и уважения, выходявшее за рамки дипломатического этикета: вероятно, в его лице неаполитанский король видел достойного преемника своего друга Латино.

Дело в том, что именно кардинал Орсини – в ту эпоху папский легат *a latere*²³ – доставил буллу²⁴ об инвеституре²⁵, утверждённую папой римским Пием II. Всё тот же кардинал Орсини,

²¹ – длинный, узкий меч с трёх- или четырёхгранным клинком, лишиённым режущего лезвия; предназначался для нанесения уколов. (Прим. перев.)

²² – небольшой чаще всего металлический круглый щит. (Прим. перев.)

²³ “*A latere*” (лат.) буквально означает «рядом». Папский легат *a latere* – личный представитель папы римского в разных странах, выполнявший особо важные поручения главы Католической Церкви и действовавший от его имени. (Прим. перев.)

²⁴ – официальный документ, изданный Римской Курией и скреплённый папской печатью. (Прим. перев.)

при участии кардинала Тревизана, архиепископа Назарета в Барлетте Джакомо де Аурилия, архиепископа Таранто и целого ряда других прелатов, 4-го февраля 1459 года от Рождества Христова, в ходе пышной церемонии, состоявшейся в Барлетте на площади перед городским замком, короновал неаполитанского монарха Фердинанда I, благословив его на престол трёх королевств: Сицилии, Иерусалима и Венгрии. Этот факт и события последующих дней были описаны монсеньором Орсини на той самой странице дневника Его Преосвященства, что по неизвестной причине была вырвана и пропала при таинственных обстоятельствах из его личного архива.

Более двух часов Дон Ферранте и дон Тристан вели переговоры с глазу на глаз.

Перед отъездом из Рима папский чиновник лично позаботился о том, чтобы устранить основное политическое препятствие, осложнявшее отношения Святого Престола с Неаполитанским королевством, подстроив всё так, чтобы дворцовая канцелярия Его Величества сумела узнать о кое-каких секретных – разумеется, сфальсифицированных – письмах, якобы отправленных венецианским посланником в Неаполе своему дожу. В этих депешах неаполитанский монарх был представлен как умственно ограниченный самовлюблённый развратник. Ответная реакция арагонцев не заставила себя долго ждать.

Немедленно последовавшая за этими событиями высылка дипломата Светлейшей республики и глубокое уважение, которое король питал по отношению к Тристану, содействовали тому, что беседа прошла в преисполненной радушия атмосфере. В её завершение, хотя дон Ферранте и не принял окончательного решения, у Тристана всё же создалось впечатление, что монарх склонился к тому, чтобы взвесить приведённые доводы и принять во внимание предложенный ему план действий.

И в самом деле, по прошествии двух дней Фердинанд I вызвал к себе молодого воспитанника покойного кардинала Орсини и уведомил его в устной форме о том, что Неаполитанское королевство было готово примкнуть к новому альянсу против Венеции. Руководство военными действиями предполагалось доверить его сыну Альфонсу, герцогу Калабрийскому, который должен был взять на себя роль главнокомандующего объединёнными силами. Официальное заявление о принятом решении, с соблюдением всех необходимых формальностей, должно было последовать вскоре, а именно в день Рождества Христова.

Тристан был крайне удовлетворён таким поворотом событий.

После щедрого ужина, изобиловавшего выпечкой и традиционными рождественскими сладостями, которыми уж конечно не побрезговали бароны и самые сливки неаполитанской знати, молодой человек решил удалиться в свои покои и попытаться расслабиться, приняв горячую ванну, заботливо приготовленную для него по распоряжению Его Величества.

Укладывая в сундук последнюю стопку чистого белья, немолодая горничная, которая прежде с огромным усердием потрудилась, чтобы наполнить горячей водой вместительную бадью, упорно не сводила с Тристана пристального взгляда. Однако безучастный ко всему происходившему папский чиновник не обратил на это ни малейшего внимания, окунувшись в собственные мысли и неразрешённые вопросы, тогда как его размякшее от усталости тело было погружено в пышущую паром бадью.

«У Вас глаза точь-в-точь как у неё... Ваша мать была воистину святой женщиной», – проронила седовласая прислужница выходя из комнаты, прежде чем скрыться за дверью.

Блуждавший в думах Тристан вздрогнул: брошенные, казалось бы, невзначай слова прозвенели тревожным колокольчиком, заставив его вернуться в реальный мир.

«Постойте!» – воскликнул он, тщетно надеясь быть услышанным.

²⁵ – сопровождавшийся особой церемонией формальный юридический акт введения в должность, во время которого осуществлялась ритуальная передача символов светской или церковной власти. (Прим. перев.)

Как случилось, что эта служанка была знакома с его матерью? Может быть, она встретила её в те далёкие годы, когда та, будучи совсем юной девушкой, служила при неаполитанском дворе? Тристан непременно должен был это узнать... Он выскочил из бадьи и, наскоро обтёршись полотенцем, натянул штаны и рубашку, влез в сапоги и бросился на поиски женщины.

Спустившись на нижний этаж, где размещались служебные помещения, Тристан ясно уловил доносившиеся из каморки рядом с главной лестницей приглушённые стоны, которые перемежались с пронзительными вскрикиваниями, сопровождавшимися мерным поскрипыванием деревянных досок.

Королевский кондитер, непревзойдённый творец аппетитных сооружений из сахара, чинно возвышавшихся в центре стола во время дворцовых банкетов, по обыкновению не только начинал миндалём сладости королевского меню, но и подслащивал молодых любопытных служанок, которые в конце каждого дня наводили порядок на кухне. В этот момент, однако, посланнику Священного Престола было вовсе не до того, чтобы отвлекаться на подобного рода спектакли, поэтому, бросив беглый взгляд на дверь, он не раздумывая промчался мимо.

Миновав кухонные помещения и оказавшись в узком коридоре, он смутно различил очертания тучного женского тела, распростёртого лицом вверх на пороге небольшой комнаты. Казалось, будто кто-то, сбив несчастную с ног, попытался перетащить тело. Отсвет пылавшего камина позволял разглядеть черты её лица: это была та самая пожилая женщина, которую искал Тристан.

Не теряя ни секунды он ринулся к ней, но увидел лишь бездыханное тело бедной служанки с широко распахнутыми глазами и полураскрытым ртом. На полу комнаты Тристан заметил также ярко-синий камешек – вероятно, это был осколок лазурита похожего на те, что украшали рукоять меча одного из преследователей, от которых ему удалось ускользнуть несколько дней назад.

Однако, уловив неясный шум, доносившийся из передней, он решил как можно скорее удалиться, прежде чем кто-либо смог застать его в таком неподходящем месте.

На следующее утро молодой дипломат вместе со своим сподручным покинул замок. В тени одной из крепостных башен, среди приспешников герцога Калабрийского Пьетро сумел узнать одного из молодчиков, посягнувших на их жизнь в день приезда. Он тут же сообщил об этом своему господину, но тот, не желая ставить под угрозу достигнутый в ходе переговоров результат и учитывая всю шаткость политической ситуации, решил воздержаться от каких бы то ни было выяснений и, попрощавшись с присутствовавшими, тронулся в путь.

Наконец, прежде чем опустить занавес и поставить точку в этой истории, у входа на постоянный двор, где наши герои оставили своих лошадей, Тристан наткнулся на худенького парнишку, с трудом ковылявшего по улице. Несмотря на его жалкий, потрёпанный вид, папский чиновник признал в нём того самого пострелёнка, который помог им спрятаться от головорезов, нанятых Альфонсом; бедняга, казалось, потерял дар речи, был чумазый, весь в синяках и ссадинах, на ноге у него зияла скверная кровавая рана. Было очень холодно; Тристан приволок мальчонку в гостиницу и заплатил хозяйке, чтобы тому подлечили хотя бы самую большую рану. На следующий день он доставил бедолагу к его родным, сдав его на попечение старшего брата, который встретил их на пороге дома и, исполненный признательности, пригласил молодого дипломата в дом – убогую лачугу, лишь отдалённо напоминавшую человеческое жильё. Мужчина средних лет – по всей видимости, отец семьи – пересыпал зерно в маленькой кладовой, мать пряла шерсть, одной рукой убаюкивая младшую дочурку, тогда как другая женщина, постарше, сидя на каштановом сундуке, служившем ей скамейкой, рассказывала домочадцам какую-то историю. Это унылое зрелище навело Тристана на мысль воспользоваться моментом, когда рассказчица, встревоженная внезапным клокотанием похлёбки в котелке, ненадолго отвлеклась, и сунуть золотой флорин под соломенную подушку, лежавшую

поверх дырявого матраса, набитого сухой листвой, на котором спала розовощёкая малышка в тряпичных пинетках. Попрощавшись, участливый гость вышел прочь.

Сцены, которым он стал невольным свидетелем в ходе поездки в Неаполь, не покидали его воображение и по возвращении в Рим, где даже украшенная фазаными перьями роскошная фетровая шляпа с широченными полями, – подарок его друга Людовико, который он обнаружил на своей кровати, – не сумела вытеснить из его головы навязчивые воспоминания.

Миссия была выполнена на славу, жаль только, что количество неразрешённых вопросов, которые вот уже много лет копошились в его голове, не давая покоя, лишь поприбавилось... Та бедная женщина, кардинал Латино, король Ферранте и, наконец, Неаполь... Что же в действительности их связывало с его матерью?

VIII

В Венеции

На аудиенции у Светлейшего Дожа Джованни Мочениго

Его Святейшество был очень доволен успешным результатом поездки Тристана, чего нельзя было сказать с такой же уверенностью о Риарио, который, вероятно, рассчитывал заполучить должность главнокомандующего новой коалиции. Что же касается семьи д'Эсте, то представители этой славной династии наконец-таки смогли свободно вздохнуть, будучи заверены в скором прибытии подкреплений со стороны арагонцев Альфонса Калабрийского, флорентийцев Николы да Питильяно и римлян Вергилия Орсини.

Венецианцы предприняли попытку вторжения на территорию Миланского герцогства, предполагая вовлечь в свои планы французов под предводительством Карла VIII из династии Валуа, однако эта операция им не удалась.

Благодаря деятельности разветвлённой сети посольских и дипломатических представителей Святейшего Престола, умело управляемой Джованни Баттиста Орсини, удалось посеять взаимные подозрения между Неаполем и Миланом: Альфонса Арагонского убедили в том, что Людовико Сфорца по прозвищу «Моро» желал по окончании войны присоединить Герцогство Феррара к собственным территориям, тогда как правителю Милана были представлены ложные доказательства того, что неаполитанский принц якобы организовал против него тайный сговор с Джаном Галеаццо Мария Сфорца, которому Альфонс пообещал отдать в жёны собственную дочь Изабеллу. В конечном итоге, Милан вышел из коалиции, а Джованни Баттиста был пожалован титул кардинала-дьякона.

В начале лета Тристан был направлен в Венецию с целью попытаться восстановить дипломатические отношения с дожем Джованни Мочениго и обсудить возможности примирения, которое, как представлялось, было далеко не просто достигнуть, учитывая, что лишь годом ранее, по воле самого же папы Сикста IV, морская республика была отлучена от церкви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.